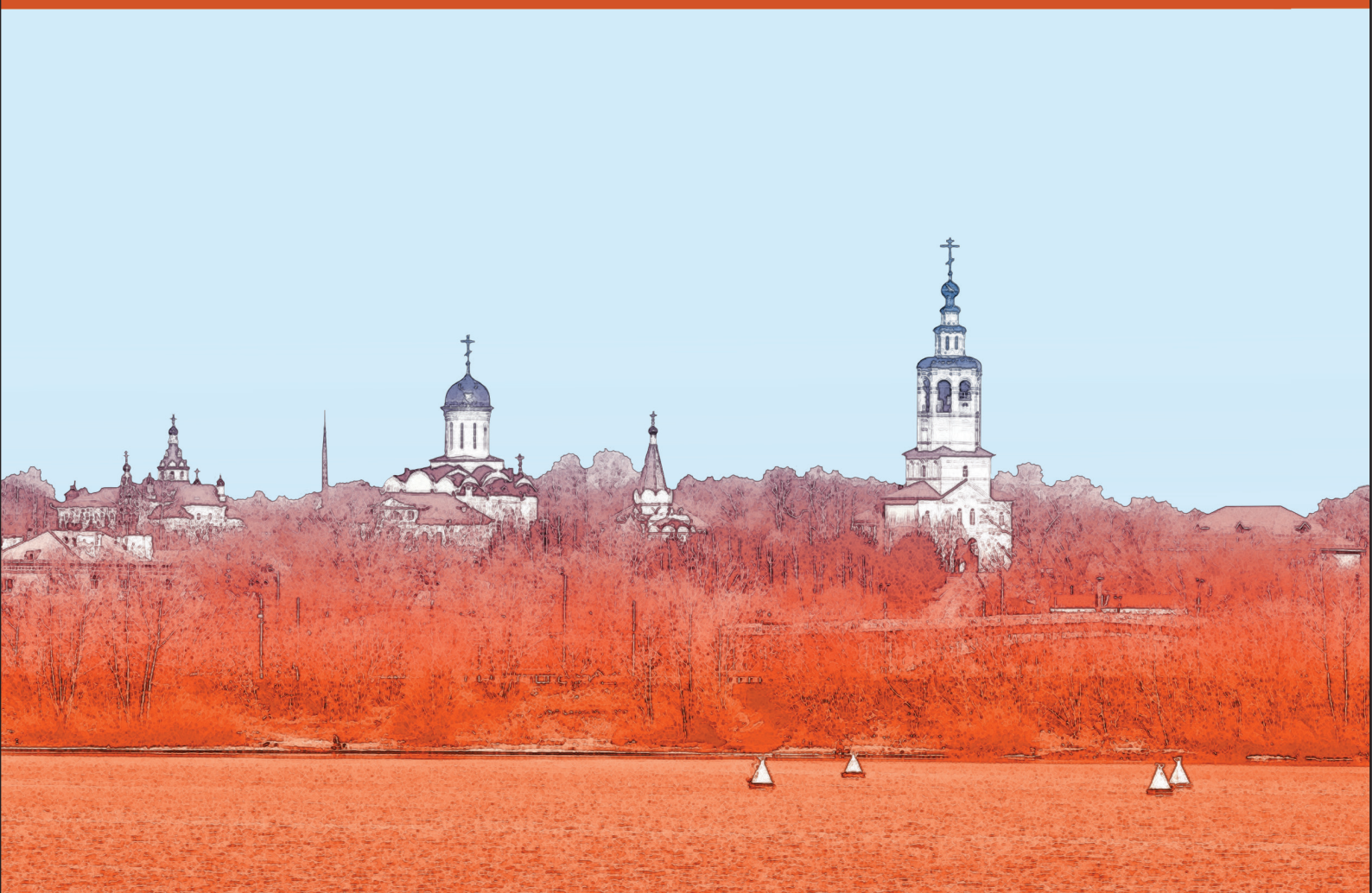

VI Международная научная конференция

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Казань

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Искаков, И. Б. Кайгородов, К. К. Қалдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Қомогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Р. М. Искаков (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Кыят Эмине Лейла (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узиков (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

История и археология: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2018 г.). — И90 Казань : Молодой ученый, 2018. — iv, 32 с.
ISBN 978-5-905483-53-0

В сборнике представлены материалы VI Международной научной конференции «История и археология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Бондаренко О.А.

Создание «системы Витте» и ее влияние на модернизацию экономики Российской империи 1

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Калашников И.Е.**

Информационные манипуляции крупного медиабизнеса в борьбе за политическую власть
на примере президентских выборов 1996 года 12

Мартианова И.Ю.

Мемуаристы об изменениях в жизненном мире польских дам после заключения
международных браков в XIX в. 16

Чупрасова Д.С.

Поездка на фронт: исторический туризм по следам Первой мировой войны
(отечественный и европейский опыт). 18

АРХЕОЛОГИЯ

Ларенок О.П.

Каменные конструкции и погребения бронзового века в могильнике у хутора Беляево 21

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Садокова А.Р.

Из истории японских новогодних ракеток для игры в волан 24

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Бабенко О.В.

К вопросу о вкладе Н.В. Туманиной в область исторических биографий
великих русских композиторов 28

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Создание «системы Витте» и ее влияние на модернизацию экономики Российской империи

Бондаренко Олег Александрович, кандидат экономических наук, доцент
Российский колледж традиционной культуры (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются основные предпосылки для формирования «системы Витте» и их влияние на экономическое развитие России. Акцентируется внимание на проведение денежной реформы 1897 года как основного условия для модернизации экономики Российской империи.

Ключевые слова: государственный капитализм, денежная реформа, железнодорожное строительство, золотой стандарт, приток иностранных капиталов, хлебный экспорт.

Creation of the Witte's system and its influence on the modernization of the economy of the Russian empire

The article considers the basic factors of the formation of the Witte's system and their influence on the economic development of Russia. It is focused on the currency reform of 1897 as the basic condition for the modernization of the economy of the Russian Empire.

Key words: state capitalism, currency reform, railway construction, the gold standard, the foreign capital inflow, grain export.

На формирование государственно-экономической концепции С. Ю. Витте большое влияние оказали труды немецкого экономиста первой половины XIX века Ф. Листа. Витте выступал сторонником протекционистской политики, критиком космополитизма и утверждений, игнорирующих исторические, географические и культурные особенности национальных экономик. Со «здоровым национализмом», основу которого составляет поощрение отечественной индустрии, Витте связывал успешное развитие страны [9, С. 67].

Возглавив в конце 1892 года министерство финансов, Витте сразу же столкнулся с рядом серьезных проблем. В условиях резко обострившейся в конце XIX века конкуренции среди мировых держав и нараставших трудностей в социально-экономического развития страны перед Россией со всей неотложностью встала задача усиления своего экономического потенциала, прежде всего — значительного повышения темпов индустриализации. В таких условиях был принят курс на ускоренную индустриализацию России с использованием таких возможностей, как громадные природные ресурсы страны, дешевая рабочая сила, активная государственная поддержка и вложения иностранного капитала. Таким образом, необходимо было разрешить серьезное противоречие, которое, с одной стороны, предполагало крупные государственные

инвестиции, а с другой — формирование сбалансированного бюджета.

К тому времени, когда Витте начал проводить данную экономическую политику, во многих странах мира уже был достигнут значительный успех в вопросе, связанном с промышленным прогрессом. Резкий рывок в экономическом и индустриальном развитии сделала к этому времени Германия. В результате политического объединения страны во второй половине XIX века в данном государстве имел место экономический бум. По ряду параметров Германия опередила другие европейские страны и выдвинулась в число сильнейших промышленных держав.

Не менее стремительный экономический рост происходил в конце XIX века в США. В начале 1890-х годов они вышли на первое место в мире по промышленному производству, опередив «промышленную мастерскую» — Англию. Особенность быстрого развития США заключалась в том, что оно протекало в условиях существования экономически гомогенного организма и демократического республиканского строя. Регулятором промышленного развития США были рыночные механизмы, но определенные сферы экономики подлежали контролю государства.

В то же время в России экономическое развитие было связано с возникновением значительных проблем. Хотя

темпы ее экономического роста в 90-е годы XIX века были высокими, по абсолютным показателям она отставала от развитых стран Америки и Западной Европы, представляя собой страну второго эшелона. Это был догоняющий тип развития, сравнительно отсталый, который базировался на заимствовании чужого опыта и технологии, а также на иностранных инвестициях, поскольку в стране был постоянный недостаток капиталов [16, С. 3].

Казенные предприятия, господствующие позиции государства в национальном хозяйстве страны были характерной особенностью экономики России на протяжении всей истории. Поэтому российский государственный капитализм проявлялся прежде всего в государственно-феодалной форме.

Теперь главным инструментом государственного регулирования экономики стал Российский государственный банк, которому были подчинены все остальные банки не только в финансовом, но и в административном отношении, а через банки осуществлялся контроль и за всем национальным хозяйством страны. Таким образом, от грубых административных методов регулирования при Петре I государство постепенно переходило к все более сложным методам регулирования через систему финансов [18, С. 110].

Витте возглавил министерство финансов в кризисный период, когда на социально-экономическое развитие России негативное влияние оказал массовый голод 1891—1892 годов. В то же время было необходимо упорядочить всю финансовую систему, прежде всего государственный бюджет. Последний же, особенно после серьезного неурожая и голода 1891—1892 годов, потребовавших от казны для организации помощи населению 162 миллиона рублей прямых расходов, сводился с большим трудом [5, С. 43].

И.А. Вышнеградский — предшественник Витте на посту министра финансов — пытался бороться с бюджетным дефицитом, проводя политику всемерной экономии, в чем его поддерживал Александр III. Витте, особенно в первые годы своего министерства, также следовал данному курсу. В частности, он продолжил линию на конверсию и частичный выкуп внешних и внутренних займов, стремясь сократить расходы по государственному долгу. С 1888 по 1893 год было конвертировано и выкуплено займов на довольно значительную сумму — 876 миллионов рублей золотом, 38 миллионов рублей серебром и 454 миллиона кредитных рублей. Все внешние займы (6%-ные, 5,5%-ные и 4,5%-ные) были конвертированы в 4%-ные, причем за счет некоторого удешевления денежных капиталов вновь выпущенные ценные бумаги превысили стоимость конвертированных на 10%. К концу 1894 года размер ежегодных платежей по займам сократился, составив 13,4 миллиона рублей золотом и 30 миллионов кредитных рублей. Большая часть внутренних займов была унифицирована и передана в 4%-ную государственную ренту. Витте впоследствии также придерживался этой линии: в 1889—1899 годах, по данным госконтроля, было

выкуплено и конвертировано займов на номинальную сумму в 3393 миллиона рублей и погашено беспроцентных долгов на 431,8 миллиона рублей. Были заключены новые займы, в результате чего государственный долг увеличился более чем на 1 миллиард рублей (с 5,2 миллиарда в 1889 году до 6,3 миллиарда рублей в 1899 году). Как достижение министерства финансов, госконтроль отметил, что сумма платежей по долгам увеличилась только на 33 миллиона рублей, а сумма срочного погашения уменьшилась на 16,4 миллиона рублей [5, С. 43—44].

Заняв кресло одного из самых влиятельных министров, Витте показал себя реальным политиком. Вчерашний славянофил, убежденный сторонник самобытного пути развития России в короткий срок превратился в индустриализатора европейского образца, заявившего о своей готовности в течение двух пятилетий вывести Россию в разряд передовых промышленных держав. В то же время Витте не был посвящен Вышнеградским в тайны подготавливавшейся уже много лет денежной реформы и едва не начал свою деятельность во главе министерства инфляционной компанией, специальным выпуском «сибирских» бумажных рублей для покрытия расходов на постройку Великого Сибирского пути. Хотя именно Витте в 1894—1895 годах добился стабилизации рубля, а в 1897 году сделал то, что не удавалось его предшественникам, — ввел золотое денежное обращение [2, С. 37].

Перед российским правительством все время возникала проблема платежного баланса. Огромный ввоз, который был обусловлен индустриальным развитием страны, необходимо было покрывать соответствующим расширением экспорта. Платежный баланс страны, развивавшей свою индустрию за счет иностранных займов, иностранных инвестиций и страдавшей хроническим дефицитом, мог быть компенсирован только за счет значительного активного сальдо по внешней торговле [10, С. 73].

Внешнеторговый баланс России, ежегодный пассив которого составлял в 60—70-е годы XIX века 80 миллионов рублей, с 1877 года становится активным, с превышением стоимости экспорта над стоимостью импорта в 1895—1897 годах в среднем почти на 140 миллионов рублей в год [3, С. 30]. Доля зерна в денежном выражении всего экспорта в 1886—1890 годах составляла 51,5%. В 1887—1891 годах Россия покрывала 47% общего ввоза европейских стран, импортирующих хлеб. Активное сальдо торгового баланса возросло с 57,6 миллиона рублей в 1886 году до 397,9 миллиона и 318,9 миллиона рублей в 1888 и 1889 годах. Расчетный баланс уже в 1887 году был сведен с активным сальдо в 24 миллиона кредитных рублей [14, С. 60].

Рост хлебного экспорта был обусловлен не только повышением продуктивности сельского хозяйства и состоянием международного спроса, но и развитием железнодорожного строительства в Российской империи. Строительство рельсовых путей в России и Западной Европе началось практически одновременно. Однако общая экономическая отсталость страны, отсутствие свободных

капиталов и свободной рабочей силы, обусловленные существованием крепостничества, не позволяли проводить строительство железных дорог. В 1850-е — начале 1870-х годов положение радикально изменилось. Ход и результаты Крымской войны явно продемонстрировали русскому обществу опасность отсутствия железных дорог для военной мощи [4, С. 48].

В пореформенное десятилетие 1866—1876 годов быстро создавалась первая разветвленная железнодорожная сеть Европейской России с центром в Москве. В таких условиях произошло усиление динамики хлебного вывоза России. Если в 1861—1865 годах зерновых экспортировалось в среднем по 80 миллионов пудов в год, через 20 лет — 301 миллион пудов, то среднегодовой вывоз в 1900—1905 годах составил уже 609 миллионов пудов [3, С. 13].

Реформа 1861 года была исходным пунктом резкого роста товарности сельскохозяйственного производства. Здесь следует отметить участие иностранного капитала — косвенно через железнодорожное строительство и непосредственно через кредитование заготовок и практическую организацию вывоза российских хлебов в Европу. Доходы от хлебного экспорта были одним из основных источников накопления и вкладывались в развитие различных отраслей национального хозяйства России [3, С. 13].

При предшественниках Витте на посту министерства финансов — Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградском железнодорожное строительство уже опять начало переходить в руки государства, был введен протекционистский тариф, ограждающий интересы национальной индустрии, росли косвенные налоги как источник дохода казны, начал накапливаться золотой запас. Однако только при Витте все это обрело системность, было дополнено другими мерами, что придало цельность всей проводимой программе. Американский историк Теодор фон Лауе так и назвал ее — «система Витте» [17, С. 101].

Витте исходил из следующей «цепочки развития». Железнодорожное строительство дает толчок росту металлургии и топливной индустрии (угле- и нефтедобыче). Обе отрасли стимулируют развитие машиностроения, а последнее, в свою очередь — легкую промышленность. Таким образом, индустриализация под защитой протекционистских тарифов должна была постепенно создавать внутренний рынок. Главным звеном всего плана являлось железнодорожное строительство, причем не только в отношении влияния на указанные отрасли. Железнодорожное строительство способствовало формированию рынка индустриального труда. Кроме того, с проведением Сибирской магистрали (построенной в основном в годы Витте) началось перемещение населения центральных и южных губерний на Восток, освоение сибирских недр, вывоз местной сельскохозяйственной продукции в Европу, а также экспорт российской продукции в Китай и Восточно-Азиатский регион. С этой целью было начато строительство Восточно-Китайской дороги в Маньчжурии. Все это были звенья единой стратегии, направленной на преодоление отсталости России.

Деятельность Витте как политика, безусловно лояльного режиму, преследовала цели его укрепления путем поддержания позиций дворянского сословия в Российской империи, однако в перспективе Витте делал ставку на буржуазный путь развития страны. Экономическое положение аграрного дворянства сильно ухудшилось вследствие резкого падения в 1870-х годах цен на хлеб на мировом рынке и длительного сельскохозяйственного кризиса в России. В то же время промышленная буржуазия поднималась также вследствие расслоения деревни и, соответственно, предложения дешевой рабочей силы. Таким образом, на рубеже XX века экономическая платформа Витте приняла вполне определенный и целенаправленный характер: в течение примерно десяти лет догнать в промышленном отношении более развитые страны Европы, занять прочные позиции на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное промышленное развитие обеспечивалось путем привлечения иностранных капиталов, накопления внутренних ресурсов с помощью казенной винной монополии и усиления косвенного обложения, таможенной защиты промышленности от западных конкурентов и поощрения вывоза продукции. Иностранному капиталу в этой программе отводилась особая роль [2, С. 37].

Стремясь упорядочить структуру бюджета, его доходные и расходные статьи, Витте добился более четкого разграничения чрезвычайного и обыкновенного бюджета, до того носившего случайный характер. Чрезвычайный бюджет, обычно державшийся в секрете и фактически являвшийся бесконтрольным, в своей доходной части в значительной степени состоял из внешних и внутренних займов. Тогда как расходные его статьи предусматривали ассигнования на военные службы, железнодорожное строительство и на ликвидацию последствий стихийных бедствий (неурожай, голод, эпидемии и прочее). Согласно закону от 4 июня 1894 года бюджет становился более «прозрачен», с большей определенностью и четкостью подразделяя чрезвычайную и обыкновенную части [5, С. 44].

План Витте требовал огромных инвестиций. Одной из статей явилось бюджетное накопление. В 1894 году Витте ввел винную монополию, что увеличило доходы государства от продажи спиртного на одну четверть. Были повышены уже значительные во времена Вышнеградского косвенные налоги — акцизы на предметы первой необходимости (соль, табак, сахар, спички, керосин и прочее). При Витте пропорция косвенных налогов по отношению к прямым была втрое выше, чем в Германии и вдвое выше, чем во Франции. Это свидетельствовало о степени тяжести налогообложения, чувствительного прежде всего для широких слоев населения. Хотя прямые налоги также были увеличены. В целом за период 1893—1902 годов налоговое бремя выросло почти наполовину, тогда население — на 13%. Налоги вместе с питейной монополией (по существу разновидностью налога) формировали более 3/5 доходной части бюджета [17, С. 101].

В то же время Витте увеличил доходы государственных предприятий и имуществ. Так, используя свой опыт же-

лезнодорожных тарифов, он сначала уменьшил убыточность действовавших железных дорог, а затем даже получил от них небольшую прибыль. Ему удалось также существенно понизить долю бюджетных отчислений на армию и флот — до 22,5% (для сравнения: в 1863 году они составляли 41%, в 1875–1885 годах — 33%). Это дало ему возможность направлять в национальное хозяйство (главным образом в промышленность и строительство) до 55% бюджетных ассигнований. Кроме того, были капитализированы сбережения населения в сберкассах, которые за «десятилетие Витте» увеличились вчетверо. Хотя вкладчики составляли всего 3–4% населения, тем не менее общая сумма вкладов в начале 1900-х годов была примерно 900 миллионов рублей (для сравнения: годовой бюджет в России в данное время составлял порядка 1,5 миллиарда рублей) [17, С. 101].

Стремление улучшить финансовое положение казны за счет увеличения положительного сальдо внешнеторгового баланса, в частности за счет повышения ввозных пошлин, было традиционным и вполне естественным для всех стран и правительств. Постепенно, кроме сугубо фискальных задач, целью такой политики становилась защита национальной промышленности. Россия в этом плане не составляла исключения. В пореформенные десятилетия, после временных фритредерских увлечений М. Х. Рейтерна, проявлялось постоянное увеличение ввозных пошлин на важнейшие промышленные изделия, а также на уголь, чугун, железо. В 1877–1880 годах уровень таможенного обложения составил в среднем 16,1% стоимости ввезенных товаров, а в 1885–1890 годах — уже 28,3%. В 1891 году был принят почти запретительный таможенный тариф, по которому обложение импорта достигло в среднем 33% его стоимости, а по некоторым тарифам — даже 100% [5, С. 45].

Вместе с тем для обеспечения требуемых казенных заказов и других форм государственного поощрения промышленного развития вышеизложенных денежных средств было недостаточно. Поэтому министерство финансов прибегало к государственным займам — как внутренним, так и зарубежным. При Витте государственный долг России вырос на одну треть, достигнув в 1903 году 6,7 миллиарда рублей. Однако, во-первых, государственный долг регулярно и аккуратно обслуживался. Во-вторых, Витте, используя сравнительно благоприятную ситуацию на европейском финансовом рынке (особенно французском), осуществил удачную конверсию внутренних займов во внешние, что понизило процентные выплаты по этим займам и увеличило кредитный фонд более чем на 1 миллиард рублей. Все это вместе взятое дало возможность за десятилетие вложить в индустриализацию страны порядка 3,5 миллиарда рублей государственных средств, из которых 2,5 миллиарда покрывались за счет внутреннего денежного рынка (займов и накоплений), а 1 миллиард — заграничными займами [17, С. 101–102].

Длительная подготовка денежной реформы в России (с начала 80-х годов XIX века) была обусловлена неразре-

шимыми противоречиями между помещиками, заинтересованными в установлении низкого курса рубля для успешного экспорта хлеба, отечественными и иностранными промышленниками, нуждавшимися в стабильном и устойчивом рубле, и интересами государственной фискальной системы [12, С. 106]. В России министрами финансов Бунге и Вышнеградским была подготовлена, а министром финансов Витте успешно проведена денежная реформа, в результате которой в стране произошел переход от серебряного рубля, введенного ещё реформой Е. Ф. Канкрин в 1839–1843 годах, к золотому в 1895–1897 годах.

Следует отметить, что использование денег для решения политических и геополитических задач привело к тому, что деньги, наряду с выполнением многообразных экономических функций, стали инструментом идеологической борьбы. Как элемент идеологии деньги постепенно получили статус государственной идеи, т.е. доверие населения к национальной валюте стало соответствовать доверию к власти. Отказ Новгорода от идеи создать свою денежную систему великого государства привел к тому, что вечевая республика быстро перешла в разряд заурядной периферийной территории. Включение Новгорода в состав Ганзейского Союза осуществлялось на такой основе, когда Новгородская республика только смогла получить статус фактории цивилизованной Ганзы [1, С. 103].

В тот период, когда Новгород Великий потряс кризис, связанный с «пфеннигизацией» денежного обращения, Москва уже начала реализовывать денежную реформу, подчиненную великой идее сделать рубль деньгами государства, независимого от Золотой орды. Москва стала производить чеканку своих монет и превратилась в денежный центр русских земель. Таким образом, при собирании русских земель в Московское государство применялись военные методы, хотя одним из основных инструментов создания Российской империи был рубль [1, С. 103]. Поэтому для российского самодержавия введение «золотого стандарта» в стране также имело определенное геополитическое значение.

Значительным достижением Витте стало проведение денежной реформы, основной целью которой была ликвидация инфляционного бумажно-денежного обращения и введение золотой валюты. Для проведения денежной реформы в середине 90-х годов XIX века имелись соответствующие внутренние и внешние предпосылки [9, С. 68].

Во-первых, денежная реформа проводилась в благоприятных условиях. Конец XIX века характеризовался мощным движением стран мира к золотой валюте. Усиливались интеграционные процессы, что было связано с образованием единого мирового рынка, в рамках которого действовали определенные требования к средствам обращения и стоимостным мерам. Во-вторых, происходило привлечение иностранных инвестиций. Для этого периода было характерно активное движение капиталов на рынке [9, С. 68].

Кроме того, была проведена стабилизация курса кредитного рубля. При этом частным банкам запрещалось

осуществлять спекуляции на курсе рубля. С биржи были удалены агенты иностранных банков [9, С. 68].

В то же время предстоящая денежная реформа способствовала проведению преобразований в Государственном банке и Казначействе. Были погашены долги казны, для оплаты которых нередко использовались привлеченные средства. Теперь высвобожденные значительные суммы можно было направить на кредитование промышленности и торговли.

Важным шагом на пути денежной реформы стало утверждение нового устава Государственного банка в 1894 году, изменившего ряд его функций. Государственный банк сделался эмиссионным, ему было предоставлено право выпуска банкнот. До этого эмиссия осуществлялась специальными указами царя. Существенно то, что по новому уставу Государственный банк оставался в ведении министра финансов, и это позволяло Витте концентрировать всю денежно-кредитную политику в своих руках [7, С. 155].

На всем протяжении своей деятельности в качестве министра финансов Витте руководил работой Государственного банка, что, по его словам, только соответствовало «принципу самодержавия». В результате проведенной по инициативе Витте реорганизации Государственного банка последний получил право предоставления промышленных кредитов и стал одним из важнейших каналов мобилизации средств для финансирования промышленности. Этой же цели служила созданная под наблюдением министра финансов сеть государственных сберегательных банков [16, С. 11].

Новый Устав Государственного банка вступил в силу в 1895 году. Основной капитал составлял 50 миллионов рублей, резервный — до 5 миллионов рублей. Устав разрешал кредитование промышленности под соло-векселя при условии обеспечения кредитов зданиями и оборудованием. По новому Уставу Государственный банк больше не выполнял роль местного операционного учреждения Петербурга, а направлял дело банковское дело всей страны. Новый Устав усилил зависимость Государственного банка от министерства финансов [9, С. 69].

Не только Витте, но и его предшественники использовали ресурсы Государственного банка для финансирования крупных коммерческих банков и промышленных предприятий. При предшественниках Витте — М. Х. Рейтерне, действовавшем в условиях экономического подъема в 1875—1878 годах, и Н. Х. Бунге в 1880-е годы также проводилось государственное финансирование. Оно использовалось для создания новых или расширения действовавших заводов тяжелой промышленности. Это противоречило уставу Государственного банка. При Витте, в 1890-е и особенно в начале 1900-х годов, подобная практика получила беспрецедентный размах [16, С. 11—12].

Фискальные результаты новой тарифной политики Витте были вполне успешными. Если в 1891 году таможенный доход составлял в среднем 140 миллиона рублей в год, то затем, после некоторой заминки в 1891—

1892 годах, он неуклонно возрастал, достигнув в 1899 году 219 миллионов, а в 1903—241 миллиона рублей, что составляло около 14% доходной части государственного бюджета. Однако последствия этой политики выходили далеко за рамки сугубо фискальных интересов ведомства, причем результаты ее были неоднозначны. С одной стороны, конвенционная система таможенных пошлин в значительной степени способствовало тому, что торговый баланс России, несмотря на ответные протекционистские меры со стороны ряда государств, был активным. При этом в 1990-е годы число отраслей промышленности, поставлявших продукцию на экспорт, увеличилось (нефтяная, текстильная, пищевая). Высокие таможенные пошлины, ограждая российскую промышленность от иностранной конкуренции, в условиях отсутствия достаточной конкуренции на внутреннем рынке привели к росту цен на промышленную продукцию, что давало возможность предпринимателям получать высокую прибыль, часть которой направлялась в качестве реинвестиций на расширение и усовершенствование производства. Кроме того, стремясь преодолеть высокие таможенные барьеры и привлеченные перспективами освоения огромного российского рынка, иностранные предприниматели все интенсивнее обращались к прямому инвестированию капиталов в производство. Организуя собственные или смешанные предприятия, они рассчитывали использовать выгоды такой «натурализации» — дешевые рабочие руки, сравнительно низкое налоговое обложение, завышенные цены на продукцию, крупные казенные заказы. Приток иностранных капиталов в российскую экономику значительно усилился [5, С. 46].

Отличительной чертой эпохи Витте был активный приток иностранных капиталов. В 1893—1900 годах в России возникло около 200 новых иностранных (или с участием иностранцев) акционерных обществ. В акционерных коммерческих банках иностранцам принадлежало 42,6% основного капитала. Некоторые банки были практически иностранными — Русско-Азиатский банк (72% иностранного капитала), Сибирский банк (60%), Московский частный банк (56%). Иностранные инвестиции направлялись в основном в угольную, нефтедобывающую, металлургическую промышленность, в некоторых отраслях или промышленных зонах (главным образом на Юге) достигая 70—80%. Такой прилив зарубежных капиталов прямо стимулировался министерством финансов через низкие налоги, казенные заказы и прочее. Сам Витте полагал, что ему удалось привлечь примерно 3 миллиарда рублей иностранных инвестиций [17, С. 102].

С начала 1890-х годов приток иностранного капитала в российскую промышленность сильно возрос. Витте не был сторонником предоставления иностранным компаниям и банкам полной свободы действий, поскольку его программа предусматривала сохранение контроля государства за предпринимательской деятельностью. Он следовал установленной самодержавием традиции, когда для учреждения каждой новой акционерной компании обя-

зательно следовало получить разрешение правительства. Для этого ее устав и состав акционеров должны были получить санкцию министерства финансов, а затем и Комитета министров [16, С. 7].

Вместе с тем стали проявляться негативные последствия новой тарифной политики. Тяжелый пресс высоких цен на промышленные товары давил на потребительский рынок, значительно сужая его и тяжело отражаясь на благосостоянии населения. Последовательное проведение протекционистской политики не могло не вызвать протестов со стороны кругов общества, интересы которых оказались ущемленными завышенными ценами на импортные товары. Особенно протестовали аграрии, более всего рассматривавшие себя пострадавшими от таможенной политики министерства финансов. Ситуация также усугублялась тем, что не было единства по этому вопросу среди промышленников, так как в России многие производства все еще являлись потребителями импортного сырья, а тем более фабрично-заводского оборудования. Это требовало дифференцированного подхода к тарифным ставкам и строгого учета их соотношения.

Основным недостатком денежно-финансовой системы России первых пореформенных десятилетий были избыток кредитно-денежной массы, девальвация рубля и его крайняя неустойчивость. Кредитный рубль служил объектом финансовых спекуляций как за границей, так и внутри страны. В Берлине существовала даже специальная «рублевая биржа», участники которой получали немалые барыши именно на колебаниях курса рубля, нередко усиливая его искусственно. В 1888–1890 годах курс рубля составлял 81,8 номинала, а в 1891 году — уже 59,3. Попытки предшественников Витте избавиться от излишков денежной массы путем изъятия крупных партий ассигнаций не приводили к желаемым результатам. Безуспешными оказались проекты Рейтерна (1877 год), Бунге (1883 год) и Вышнеградского, предусматривавшие упорядочение денежной системы введением размена кредитных денег на золото [5, С. 48].

Витте провел конверсию российских государственных займов со значительным понижением процента и пресек спекуляцию на курсе рубля на западноевропейских биржах, особенно на Берлинской. Для иностранцев был введен запрет на некоторые сделки с российской валютой и установлен строгий контроль за перемещением рублевой денежной массы [9, С. 69].

Для успешной реализации денежной реформы Витте принял решительные меры по сокращению бюджетного дефицита и накоплению государственного золотого запаса. Министерство финансов стремилось увеличить добычу драгоценных металлов на Урале и в Сибири. Так, за счет открытия новых золотодобывающих провинций в Сибири и интенсификации в целом золотодобывающей промышленности в период с 1880 по 1895 год казна получила в среднем за год по 38 тонн золота, из которого она могла ежегодно чеканить по 50 миллионов золотых рублей. Были в 4 раза повышены косвенные налоги, особый

эффект дала введенная Витте в 1894 году так называемая «винная монополия», ставшая одним из основных (до 27%) источников бюджетных доходов государства [12, С. 106–107].

В начале 90-х годов XIX века в странах Западной Европы из-за неблагоприятных погодных условий имел место длительный неурожай зерновых, в России же (кроме 1891 года) урожаи были значительно выше средних. Последние обстоятельства позволили существенно увеличить вывоз хлеба, что дало возможность Госбанку пополнить золотые запасы на 214 миллионов рублей [12, С. 107].

Одновременно стала проводиться политика привлечения иностранных займов из разных государств, что предполагало введение протекционистского тарифа 1891 года и политического сближения с Францией, которая являлась главным европейским ростовщиком. Большая часть золота была ввезена из-за границы. В 80-е годы XIX века начал складываться и укрепляться русско-французский союз. С 1881 по 1892 год во Франции было сделано 7 займов. Витте начал денежную реформу в 1894 году, имея золотой запас в 895 миллионов рублей [9, С. 69].

Денежная реформа Витте проводилась в несколько этапов, на каждом из них значительное место занимал золотой рубль. В 1895 году, в самый начальный момент проведения денежной реформы в угоду преобладавшему при дворе императора Александра III «русскому стилю», были даже отчеканены пробные золотые монеты в 5, 10 и 15 «руссов» (наподобие франков) на базе выпускавшейся с 1887 года золотой монеты. Они составляли 1/3, 2/3 и 1 империалу (11,61 грамм чистого золота) и должны были войти в оборот вместо рубля. Смерть императора Александра III в конце 1894 года не позволила осуществить реализацию данного проекта. В начале 1895 года были разрешены сделки с золотом, при этом для 5-рублевой золотой монеты образца 1887 года (полуимпериала) была установлена новая цена в 7 рублей 50 копеек, для 10-рублевой (империала) — 15 рублей. Это не было случайным или просто волевым решением Витте. В период проведения денежной реформы Канкрин в 1883 году империал официально оценивался в 10 рублей 30 копеек. В связи с последующим снижением реальной стоимости бумажных денежных знаков по сравнению с серебряной монетой золотой империал перед началом денежной реформы оценивался уже в 15 рублей, а полуимпериал — 7,5 рубля кредитными билетами. Российское правительство только узаконило рыночную стоимость золотой монеты в обращении. Данное соотношение было положено в основу при проведении денежной реформы [12, С. 107].

Механизм реализации денежной реформы включал в себя следующие положения: введение золотого монометаллизма; одновременное обращение металлических и бумажных денег с гарантийным разменом последних на золото; превращение Государственного банка России в эмиссионный центр страны; ограничение выпуска бумажных денег в пределах, превышающих потребности денежного обращения; предоставление права казначейству

принимать звонкую монету в уплату налогов и сборов по существующему курсу [9, С. 70].

Из возможных вариантов базового обеспечения реформы — проводить ли ее базе монометаллизма (золото, или серебро) или биметаллизма (золото и серебро) — Витте остановился на золоте, хотя этот вопрос был для многих, даже среди сторонников реформы, далеко неоднозначен. В пользу биметаллизма, в частности, были определенные традиции российского денежного обращения, значительные запасы серебра, имевшиеся в казне. Однако, во-первых, привязка кредитного рубля к биметаллическому эквиваленту таила в себе большую опасность: при высокой конъюнктуре одного из паритетов (золота), проявлявшейся в эти годы, неуклонное снижение стоимости другого (серебра) могло не только не привести к стабильности денежной единицы, но и усилить ее неустойчивость. Во-вторых, почти все крупные партнеры России на Западе (Англия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Дания, Швеция, Голландия, Италия, Бельгия и другие) к тому времени уже перешли на золотое обращение.

В марте 1896 года министерство финансов закончило работу над законопроектом «Об исправлении денежного обращения». Одобрив идею перехода к золотому монометаллизму, Комитет финансов пришел к заключению, что «открытие размена и по существующему курсу 662/3 копеек должно считаться обеспеченным, если страна останется при нормальных экономических условиях и исправление денежного обращения будет регулироваться с должной осмотрительностью, которую надлежит усугубить на первое место, пока новое дело не войдет в обычные рамки». Размен мог оказаться необеспеченным только в случае войны или при резком обострении кризиса в сельском хозяйстве [8, С. 131–132].

С некоторыми изменениями проект закона «Об исправлении денежного обращения» был внесен в Государственный совет. Перед обсуждением проекта членам Государственного совета, кроме самого предоставления министра финансов и журнала Комитета финансов, были разосланы многочисленные пояснительные материалы, отражавшие историю вопроса и позиции сторонников и противников преобразования. В них Витте подробно обосновал свою позицию и возражал противникам реформы, выступавшим против восстановления размена с помощью девальвации, подрывающей авторитет правительства, сомневающимся в возможности длительное время поддерживать размен в условиях неблагоприятного платежного баланса и опасавшимся резкого сокращения золотого запаса и оттока золота за границу (кроме того, снижение роли серебра в денежном обращении России вызывало неудовольствие сторонников биметаллизма) [8, С. 132].

Здесь следует отметить, что ориентацию денежной реформы на золотое обеспечение критиковала Франция, обладавшая крупными резервами серебра. Французы предлагали ввести серебряный монометаллизм или, в крайнем случае, способствовать созданию биметаллизма. Таковую позицию занимали банкиры А. Ротшильд и Л. Сэ, бывший

президент Французской республики Э. Лубе, журналист-экономист Э. Тэри. В данном вопросе мнение Франции следовало учитывать, поскольку начиная с 1880-х годов Россия активно использовала возможности французского финансового рынка. При проведении денежной реформы министерство финансов стремилось осуществить широкомасштабный приток французского капитала. В 1896 году во Франции был удачно размещен новый государственный заем через банковский синдикат во главе с Ротшильдами с целью подкрепления проведения денежной реформы в Российской империи [9, С. 70].

Приток иностранных капиталов в Россию был также во многом обусловлен введением твердой национальной валюты — золотого рубля, что было осуществлено Витте в 1897 году. К этому времени уже был накоплен золотой запас, почти равный денежной массе, находящейся в обращении. Добившись устойчивого курса кредитного рубля, Витте девальвировал его в полтора раза, но далее уже новые бумажные деньги имели прочное золотое обеспечение. В оборот также была выпущена золотая монета. Государственный банк превратился в резервную систему и эмиссионное учреждение, но с жестким ограничением: сверх золотого запаса можно было выпускать бумажных денег не более, чем на 300 миллионов рублей (примерно 40% от обеспеченной денежной массы). Золотой рубль укрепил позиции России на мировом финансовом рынке [17, С. 102].

В начале 1897 года Витте в обход Государственного совета удалось решить вопрос о девальвации рубля, против которой так энергично выступали его члены и которая была основным положением предложенного им проекта денежной реформы. Важнейшим шагом в этом направлении стал указ 3 января 1897 года «Об изменении надписи на империялах и полуимпериялах» [8, С. 135].

Согласно Я. Сакеру, «Одной национальной энергии для наибольшего подъема промышленности было мало. Нужно было привлечь иностранные капиталы, которые неохотно шли в Россию при неустойчивости бумажного курса. И Витте, преодолевая все препятствия, невзирая на теоретические возражения и сопротивление земельного дворянства и высшей бюрократии, проводит свою наиболее крупную реформу: золотую валюту. Проводит и для того времени необычным путем — не через Государственный совет, а Высочайшим Указом» [13, С. 144].

К 1897 году Госбанк создал накопления золотой наличности в размере 1095 миллионов рублей, что почти сравнялось с массой обращавшихся в стране кредитных билетов. Это позволило издать ряд следовавших друг за другом указов, в том числе «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» от 3 января 1897 года и «Об эмиссионных операциях» от 29 августа 1897 года, а также некоторых других, ставших юридической базой реформы. Специальный Монетный устав 1899 года впоследствии объединил все законоположения денежной реформы [6, С. 54].

Закон от 3 января 1897 года «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» определил основные

аспекты денежной реформы, состоявший в установлении золотого паритета рубля. Золотой запас в 1896 году составлял 103% к номинальной сумме кредитных билетов. Кредитный рубль приравнялся к $66\frac{2}{3}$ копеек золота, что понижало его золотое содержание на $\frac{1}{3}$. Настолько же уменьшился вес золотого рубля. Существовавшие до реформы 10-рублевые золотые монеты превращались в 15-рублевые империялы, а 5-рублевые — в 7,5-рублевые полуимпериялы. Затем стали снова выпускать 10- и 5-рублевые золотые монеты, но с пониженным весом [9, С. 71]. Кроме того, для удобства расчетов в обращение вводились 10- и 5-рублевые монеты, а также вспомогательные серебряные — 1 рубль, 50, 25 копеек (900 частей чистого серебра) и 20, 15 и 5 копеек (500 частей чистого серебра) — и медные монеты.

Указом от 29 августа 1897 года Госбанк имел право выпускать кредитные билеты на следующих условиях: до 600 миллионов рублей обеспечивалось золотом не менее чем на 50% (т.е. необеспеченных 300 миллионов рублей), сверх этой суммы — на 100% [12, С. 107]. В то же время следует отметить, что указ о регулировании эмиссионных операций Госбанка, который давал право на выпуск 300 миллионов кредитных рублей, не обеспеченных золотом, являлся серьезным отходом от условий полного золотомонетного стандарта. Поэтому произошло только частичное введение золотого стандарта в России [12, С. 109].

М.И. Туган-Барановский полагал, что «в 1897 году произошло, как известно, понижение ценности золотого рубля на $\frac{1}{3}$. Сделано это было следующим образом. Золотая монета империял, на которой было вычеканено 10 рублей, была объявлена императорским указом равной 15 рублям, а монета полуимпериял, на которой было вычеканено 5 рублей, была объявлена равной 7 р. 50 к.

...Цены в кредитных рублях совершенно не изменились, русская экономическая жизнь совсем не реагировала на данный указ. Объяснялось это тем, что цены на нашем внутреннем рынке выражались не в золотых, а в бумажных рублях. Указ же изменил ценность не бумажного, а золотого рубля, в котором цены не выражались, а притом изменил в соответствии с рыночным обесценением бумажного рубля по отношению к золотому. Поэтому и товарные цены в бумажных рублях не испытывали никакой перемены. Изменение денежного наименования империяла не повлияло и на изменение менового отношения между империялом и товарами: если до названного указа за монету, именованную империял, можно было купить определенное количество товара данного рода, то после переименования империяла в 15 р. можно было купить за ту же монету как раз то же количество товаров.

Однако кое-что все же изменилось: именно, изменились золотые цены всех товаров. Тот товар, за который раньше давали золотую монету, именованную империял, имел раньше цену в 10 золотых рублей. После же названного указа, в силу того что за этот же товар нужно было дать тот же империял, цена данного товара стала

равна 15 золотым рублям (т.е., конечно, 15 новым золотым рублям)» [15, С. 301–302].

1890-е годы стали временем, связанным со значительным акционерным учредительством в России. Несмотря на законодательные ограничения, к 1901 году в стране насчитывалось 1,5 тысячи компаний с суммой капиталов, составлявшей $\frac{2}{3}$ всех промышленных капиталовложений. Ежегодно открывалось до 90 российских и до 20 иностранных компаний. Пик учредительства пришелся на 1899 год, когда открылось 40 иностранных и 160 российских компаний со значительной долей иностранных капиталов [9, С. 72].

Результатом проведения денежной реформы в России стало завершение периода становления акционерных коммерческих банков и формирования банковской системы. Капиталы частных банков увеличились в 2 раза. Начался процесс перелива отечественных капиталов из традиционных легкой и пищевой отраслей в тяжелую промышленность.

Прогрессивное значение денежной реформы проявилось в усилении российских международных связей и укреплении международного кредита. Система золотого обращения и внешняя конвертируемость российского рубля позволили отказаться от такой формы государственного кредита, как золотые займы. Новые займы номинировались в рублях или иностранной валюте. Это обеспечило приток иностранных вложений в российские ценные бумаги. Высокое доверие к российской финансовой системе дало возможность заключать внешние займы на выгодных условиях.

Указом от 1898 года упорядочивалось положение с серебряной и медной монетами, которые были превращены во вспомогательные средства обращения с ограниченной платежной силой. В процессе создания более благоприятных условий для расчетов в обращение стали вводить вспомогательные серебряные монеты — 1 рубль, 50, 25, 15, 10, 5 копеек и медные деньги. Тем самым в дополнение к 300 миллионам рублей, не обеспеченных золотом, к кредитным билетам были приравнены 120–260 миллионов рублей серебряной и медной монет. Это положение было закреплено в 1899 году новым «Монетным уставом». Названными указами из сферы золотого обеспечения вывдилось в среднем около 0,5 миллиарда рублей кредитных билетов, серебряной и медной монет, что составляло от 30 до 40% объема денежного обращения в России в момент принятия указов 1895–1899 годов. С юридической же точки зрения золотом было обеспечено 70% кредитных билетов в обращении, которые охватывали только 60% объема денежного оборота в России [12, С. 109].

Роль серебра в денежном обращении России сводилась к вспомогательному средству обращения. Государство присваивало себе исключительное право чеканки серебряных монет. Такое положение было зафиксировано указом от 1898 года об основаниях обращения серебряной монеты. На привозимое из-за границы серебро вводилась таможенная пошлина в размере 3 рубля с фунта. Это не

позволяло производить подделку серебряных монет и обеспечивало дополнительный доход в казну [9, С. 71].

По данным Витте, к началу 1899 года уже 33% обращения приходилось на золотую и 10% на серебряную (вспомогательную, разменную) монету, в то время как к началу 1896 года в обороте находилось свыше 98% бумажных денег и менее 2% металлических [7, С. 163].

Кредитные билеты стали обеспечиваться золотом и обменивались на него вплоть до 1914 года: в обращение был произведен выпуск золотых монет достоинством в 5, 10, 15 и 7,5 рублей. Выпуск последних двух монет был прекращен в 1898 году, и последовало их изъятие из обращения. Сохранились в обращении и «канкринские серебряники» (по имени введшего их в обращение министра финансов России в 1824–1844 годах Е. Ф. Канкрин), и медные деньги в качестве обменной монеты. К январю 1914 года структура денежной массы в России была такова: золото — 21,2%, серебро — 5,4 и кредитные билеты — 73,4% [6, С. 54–55].

Согласно балансу Государственного банка, в 1914 году в денежном обращении было кредитных билетов на сумму 1633 миллиона рублей. Кроме того, в денежном обращении было золотой монеты в количестве 400–500 миллионов рублей. Таким образом, общее количество кредитных билетов и золотой монеты в денежном обращении России определялось приблизительно в сумму 2100 миллионов рублей [15, С. 306].

Проведенная методом девальвации денежная реформа Витте 1895–1898 годов была выгодна господствующим классам Российской империи. Помещики получили возможность погашать ипотечную задолженность и вывозить «дешевый» хлеб, владельцы фабрик и заводов — платить зарплату рабочим, а российское правительство — производить платежи по внутренним займам обесцененными на 1/3 рублями [12, С. 109]. Вместе с тем эта реформа имела прогрессивное значение, так как переход даже к ограниченному золотомонетному стандарту обеспечивал относительную стабилизацию денежного обращения, что должно было способствовать привлечению иностранного капитала, ускорению процессов индустриализации страны. В конце XIX века темпы ежегодного прироста промышленного производства в России находились в пределах 12–15% [7, С. 164].

Хотя затем последовал кризис 1900–1902 годов, который противники Витте использовали для усиления критики его экономической политики. Важнейшую причину хозяйственного застоя они связывали с введением золотой валюты, которая «дала все иностранным миллионерам, а русскому народу ничего» [7, С. 164].

Правые монархисты полагали, что Россия является страной преимущественно аграрной и поэтому основное внимание в своих экономических программах уделяли сельскому хозяйству, а затем уже промышленности и торговле. Такая расстановка приоритетов в целом соответствовала удельному весу этих отраслей в национальном доходе страны и численности занятого в них экономически

активного населения. Так, в 1900 году доля сельского хозяйства в ВВП России составляла 54,9% (при 75% занятых), промышленности — 21,3% (9% занятых), торговли — 8,5% (9% занятых). Кроме того, продажа зерна за границу была важнейшей статьёй экспорта Российской империи [11, С. 17].

Большинство правых монархистов связывали развитие фабричного производства с прогрессом в сельском хозяйстве, подъем которого должен был обеспечить для промышленности емкий внутренний рынок, так как внешний, в силу технологической отсталости российских предприятий, высокой себестоимости продукции, а также протекционистской политики большинства развитых государств, был не столь привлекателен для российского производителя [11, С. 19–20].

Привлечение иностранных капиталов способствовало формированию оппозиции внутри России, прежде всего со стороны влиятельного класса помещиков–агровладельцев, опасавшихся, что развитие промышленности, усиление позиций иностранных предпринимателей и банков вообще подорвет их положение в экономике и политической жизни. Националистическая группировка, представляемая газетой «Русский труд» и печатавшимся на её страницах журналистом С. Ф. Шараповым, организовала кампанию против Витте и его политики индустриализации. Объясняя свою позицию, Шарапов писал в частном письме Витте в мае 1899 года, что проведенная последним в 1897 году финансовая реформа (введение «золотого стандарта») «пользы не принесла» и призывал отменить её [16, С. 8].

Вместе с тем следует отметить, что денежная реформа также имела некоторые негативные последствия для развития национального хозяйства. Высокий процент покрытия банкнот золотом свидетельствовал, что Государственный банк фактически не использовал полностью своего эмиссионного права и, соответственно, в России фактически вместо банкнотного было обращение золотых сертификатов. Это, во-первых, стоило казне больших денег, а во-вторых, ограничивало капиталотворческие функции Государственного банка. Банк держал непроизводительно более чем миллиардный запас золота для обеспечения сравнительно небольшого количества кредитных билетов, что значительно увеличивало издержки обращения, в то время как в стране не хватало капиталов. Новые займы увеличивали внешний, что все более тяжелым бременем ложилось на бюджет [5, С. 53]. Таким образом, экономическая и финансовая стабилизация достигалась за счет резкого повышения налогов, особенно косвенных, роста цен на потребительские товары, что оказывало негативное влияние на благосостояние населения России. Как заметил П. Н. Милоков, денежная реформа была национальной, но не народной [9, С. 73].

Здесь ещё следует отметить, что при полном «золотом стандарте» все виды неполноценных денежных знаков в обращении должны быть обеспечены золотом по номиналу без ограничений, т.е. являться золотыми сертификатами. Данное условие проявлялось только в 1897–

1900 годах, когда имело место 105–107-процентное золотое обеспечение всех видов денежных знаков в обращении. Соответственно в этот период была довольно успешно проведена денежная реформа Витте. Именно тогда происходил устойчивый рост экономики России, были стабильные цены и полное товарное обеспечение рубля [12, С. 113].

С 1901 по 1904 год в связи с падением золотого обеспечения денежного обращения в среднем до 90%, обусловленного кризисными явлениями в экономике, уже можно было предлагать только частичный «золотомонетный»

стандарт [12, С. 114]. При этом следует учитывать негативное влияние промышленного кризиса начала XX века, а также около 2,3 миллиарда рублей, израсходованных на неудачную войну с Японией, что серьезно осложнило финансовое положение [12, С. 116].

Структура денежной массы России резко ухудшилась за время войны с Японией (табл. 1). Таким образом, до войны золото составляло 51,6% в общей сумме денежного обращения, кредитные билеты равнялись 38,9%. Тогда как после войны золото составило 38,5%, а кредитные билеты — 55,5%.

Таблица 1

Структура денежной массы России в 1904–1906 гг. (в млн руб.)

	1 января 1904 г.	1 января 1905 г.	1 января 1906 г.
Золото	787	683	838
Серебро	155	144	133
Кредитные билеты	584	828	1208
Всего	1526	1655	2179

Источник: Русские ведомости. 1907. № 229. 7 октября. С. 2.

С окончанием Русско-Японская война 1904–1905 годов состав денежного обращения не только не улучшился, но продолжал ухудшаться (табл. 2). В сентябре 1907 года золото составляло только 30% денежного

обращения страны, а доля кредитных билетов — 63%. Серебро же составляло незначительную и, соответственно, непрерывно убывающую сумму.

Таблица 2

Структура денежной массы России в 1906–1907 гг. (в млн руб.)

	1 января 1906 г.	16 сентября 1906 г.	1 января 1907 г.	16 сентября 1907 г.
Золото	838	678	642	596
Серебро	133	122	120	118
Кредитные билеты	1208	1216	1194	1254
Всего	2179	2016	1956	1968

Источник: Русские ведомости. 1907. № 229. 7 октября. С. 2.

В 1905–1907 годах резко снизилось золотое обеспечение денежного обращения (до 67% в 1905 году), что отражало кризисное состояние не только в финансово-экономической области страны, но также было связано с проявлением политического кризиса в Российской империи. В 1908–1910 годах происходили рост и стабилизация золотого обеспечения денежного оборота на уровне 88%, но уже в 1911–1914 годах положение меняется. Выявляется устойчивая тенденция к падению золотого обеспечения денежного обращения, резко усилившаяся в военные годы — во время Февральской и Октябрьской революций оно составило, соответственно, 19% и 8% [12, С. 114].

В мемуарах Витте утверждал, что за десятилетний период пребывания на посту министра финансов он добился

увеличения втрое промышленного производства страны. Безусловно, темпы индустриализации России в 1893–1900 годах оказались высокими. По данным фон Лауэ, основанным на расчетах Гершенкрона, темпы прироста промышленной продукции составляли 8% в год. В целом за указанные годы промышленное производство в России выросло на 93%, т.е. почти вдвое, в том числе в отраслях, производящих средства производства — на 140%, а средства потребления — на 64% [16, С. 6–7].

В эпоху Витте ежегодные темпы роста по ряду базовых индустриальных отраслей были чрезвычайно высокими: в горной промышленности — 11,2%, в химической — 10,7, в металлургии — 8,4, в деревообрабатывающей промышленности — 9,3%. При этом происходил технологи-

ческий прогресс — доменные печи, поднявшиеся на юге России, превосходили тогдашние английские и немецкие аналоги. Количество акционерных обществ более чем удвоилось. Наряду с государственными значительно расширились частные вложения (как отечественные, так и иностранные), которые, по некоторым оценкам, за период 1893—1902 годов составили 4 миллиарда рублей. Здесь следует отметить, что преобладающая доля капитала (три четверти) была инвестирована в промышленную сферу [17, С. 103].

В годы промышленного подъема возросла концентрация производства. В 1894—1895 годах крупные фабрики (свыше 100 рабочих) производили 70,8% промышленной продукции и в них было занято 74% всех фабрично-заводских рабочих; к 1903 году на них концентрировалось уже 76,6% рабочих [6, С. 51].

В то же время Россия все еще оставалась весьма отсталой страной. Несмотря на предпринятый индустриальный рывок и наращивание «вала» в производстве средств производства, производительность труда на одного рабочего росла значительно медленнее и по-преж-

нему была гораздо ниже, чем в Англии, в 3,5 раза меньше, чем в Германии, почти в 7 раз меньше, чем в Северной Америке [17, С. 103].

Под влиянием экономических обстоятельств начала 1900-х годов, а также в результате внутри- внешнеполитических катаклизмов середины 1900-х годов, в государственном капитализме в России произошли существенные изменения, что привело к потере его прогрессивных черт, которыми он несомненно обладал в годы министерства Витте. Дальнейшее промышленное развитие не останавливалось, но оно утратило прежний динамизм и изменило свой характер.

В канун первой мировой войны в российской промышленности произошел период нового подъема и темпы ее роста оказались выше мировых, даже выше, чем в США и Германии. Однако удельный вес России в мировом производстве был низким, составляя не более 4% производства промышленно развитых стран. Россия занимала среди них последнее место вместе с Японией, развитие экономики которой также отличалось высокой степенью государственного вмешательства и контроля [16, С. 17].

Литература:

1. Амосов А. И. Социально-экономическая эволюция России. М., 2004.
2. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32—53.
3. Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.
4. Елютин О. Н. «Золотой век» железнодорожного строительства в России и его последствия // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 47—57.
5. Корелин А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX — начала XX века // Отечественная история. 1999. № 3. С. 42—64.
6. Летенко А. В. Российские хозяйственные реформы: История и уроки. М., 2004.
7. Мартынов С. Д. Государство и экономика: система Витте. СПб., 2002.
8. Мельников М. В. Обсуждение проекта денежной реформы в Комитете финансов и Государственном совете в 1896—1897 годах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 131—138.
9. Муравьева Л. А. Золотой рубль С. Ю. Витте (О денежной реформе в России 1895—1898 гг.) // Деньги и кредит. 2003. № 3. С. 67—74.
10. Обухов Н. П. Внешнеторговые противоречия России и Германии во второй половине XIX в. // Экономист. 2006. № 2. С. 70—75.
11. Омелянчук И. В. Проблемы экономического развития России во взглядах правых монархистов начала XX века // Отечественная история. 2006. № 1. С. 16—23.
12. Пушкарева И., Степанов А. «Золотой» рубль в денежной системе России в 1897—1917 годах. // Вопросы экономики. 1992. № 12. С. 105—118.
13. Сакер Я. Трагедия гр. С. Ю. Витте // Северные записки. 1915. № 3. С. 142—145.
14. Степанов В. Л. Предпосылки денежной реформы С. Ю. Витте: политика министра финансов И. А. Вышнеградского (1887—1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49—69.
15. Туган-Барановский М. И. Экономические очерки. М., 1998.
16. Фурсенко А. А. С. Ю. Витте и экономическое развитие России в конце XIX — начале XX в. // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 3—17.
17. Хорос В. Г. С. Ю. Витте: судьба реформатора // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 97—107.
18. Экономическая история мира. Европа. Том 3 / Под общ. ред. М. В. Конотопова. — 2-е изд. М., 2008.
19. Яснопольский Л. Еще о нашем денежном обращении // Русские ведомости. 1907. № 229. 7 октября. С. 2.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Информационные манипуляции крупного медиабизнеса в борьбе за политическую власть на примере президентских выборов 1996 года

Калашников Илья Евгеньевич, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Статья демонстрирует влияние крупного российского бизнеса на общественно-политическую среду России на рубеже 20 и 21 вв. посредством управления крупнейшими федеральными СМИ. На примере наиболее заметных случаев вмешательства коммерсантов в президентскую гонку 1996 года в работе рассматривается значение и вклад медиаэлит в результаты выборов, выявляется взаимосвязь личных политических и экономических интересов медиамагнатов и позиции принадлежавших им СМИ, демонстрируется зависимость федеральной информационной повестки от целей и мотивов коммерсантов.

Ключевые слова: политика, выборы, бизнес, медиамагнат, медиахолдинг, СМИ

Перед выборами 1996 года группа коммерсантов взяла на себя определенные обязательства перед Б. Н. Ельциным, а именно оплатить его предвыборную кампанию и поспособствовать переизбранию на второй срок. Взамен они получали акции ключевых российских предприятий. Первые проблемы возникли на этапе формирования предвыборной агитационной команды, которая бы в первую очередь спонсировала саму кампанию и определяла, по какой тактике стоит действовать в продвижении крайне на тот момент непопулярного кандидата Бориса Николаевича Ельцина, обеспечивала ему должную поддержку в СМИ и так далее. Вокруг Ельцина сразу сформировалось два противоборствующих лагеря: силовое кремлевское крыло, возглавляемое А. В. Коржаковым, на тот момент, руководителем службы безопасности президента, (в него также входили министр обороны Грачев, директор ФСБ России Барсуков, и первый вице-премьер Сосковец) и лагерь лидирующих российских бизнесменов, в первую очередь, Бориса Березовского и Владимира Гусинского, наконец объединившихся вокруг Анатолия Чубайса и дочери Ельцина Татьяны Дьяченко.

Так за выборы отвечали две противоборствующие команды, где лагерь российского бизнеса действительно двигает президента ко второму сроку, а глава СБП и его соратники не верят даже в выход Бориса Николаевича во второй тур и предлагают передвинуть или отменить выборы. Действительный автор книг Б. Н. Ельцина и, по выражению Петра Авена, второй человек в стране в конце 90х [1, с. 242], Валентин Юмашев, вспоминает идеи Коржаковского блока как «катастрофу для страны и Ельцина» [Там же]: «Коржаков, Сосковец и команда предлагают решение: отменить президентские выборы в июне,

перенести их на два года. Через два года Ельцин уходит обязательно — он об этом официально объявляет — и проводятся новые выборы» [Там же].

Разногласия предвыборных команд помимо того, что одни, то есть бизнесмены, действовали крайне эффективно, а другие, то есть силовики, по воспоминаниям Анатолия Чубайса, предлагали «сценарии на уровне третьего» Б« класса... их даже обсуждать всерьез было нельзя» [1, с. 266], были обусловлены ещё и тем, что постоянный соратник президента Ельцина и глава его личной охраны Александр Коржаков не подпускал коммерсантов напрямую к Ельцину, он знал, что вложенные в агитационную кампанию деньги, они стократно покрывают государственными субсидиями [2, с. 221]. Как отмечает в своём расследовании журналист Пол Хлебников, «Коржаков не разрешал им приближаться к Ельцину со своими корыстными интересами. Помощники президента всегда нервничали, потому что Коржаков не спускал с них глаз и не позволял грабить безнаказанно. Они решили, что Коржакова надо убрать» [2, с. 229].

Сделать это Березовский решил с помощью главы Национального фонда спорта (НФС) Бориса Федорова. Будучи бизнес-партнёром Березовского и управляя учрежденной Ельциным структурой, от Фёдорова тоже ждали вложения денег в предвыборную кампанию. Согласно сведениям, полученным из интервью с полковником В. Стрелецким, проводящим расследования хищений средств НФС, Борис Федоров отнёс в штаб команды Анатолия Чубайса 10 миллионов долларов [2, с. 230]. Спонсирование конкурентов не понравилось Александру Коржакову, тот встретился с Фёдоровым и потребовал вернуть деньги в НФС, а тот в свою очередь передал их просьбу Березов-

скому и тогда, по выражению журналиста Хлебникова, тот пошёл на «хитрый ход» [2, с. 231].

В дом приёмов ЛогоВАЗа, где заранее была установлена прослушка, Борис Березовский пригласил Валентина Юмашева, журналиста, советника президента по вопросам взаимодействия со СМИ, дочь президента Татьяну Дьяченко, главу штаба Анатолия Чубайса и самого Фёдорова. Зная о прослушке Фёдоров рассказал о якобы преступниках, коррупционерах, бандитах в ближайшем окружении Ельцина, вымогающих у его НФС деньги — Коржакове и его соратниках. Как вспоминает разговор Валентин Юмашев — «в течение полутора-двух часов шёл монолог Фёдорова, который рассказывает, как Коржаков наезжает на бизнес и как он требует деньги» [1, с. 273].

Через несколько дней в издании Березовского «Московском комсомольце» в печатном виде появляется запись разговора. «Мы говорим с Чубайсом, что Борису Николаевичу не надо ничего этого рассказывать, потому что эта история, которая точно несвоевременна. [И тут] в «МК» выходит статья, где распечатка этого всего разговора на полполосы. То есть Боря записал этот разговор, Боря выложил его в МК» [1, с. 252]. Позже материал перепечатывают некоторые крупные издания, в том числе «Новая газета».

Целью Березовского было не просто очернить репутацию, понизить политическую популярность или ослабить президентскую лояльность по отношению к Коржакову, но снять его с занимаемой должности и окончательно отделить от Бориса Ельцина. Эту точку зрения подтверждает, присутствовавший на встрече в доме собраний ЛогоВАЗа Валентин Юмашев, отвечая на вопрос Петра Авена, было ли целью Березовского сместить Александра Коржакова, он заявляет: «Да, Боря играл на обострение» [Там же].

Разыгранная Березовским сцена с плёнкой была тщательно продумана, Борис Фёдоров не стесняется обвинять Шамиля Тарпищева и Александра Коржакова в бандитизме и хищениях. Судя по опубликованной в Московском Комсомольце расшифровке пленки, складывается ощущение, что глава НФС говорит даже слишком откровенно и прямо, боясь любой двусмысленности:

«Фёдоров: Я ему каждый день звоню. Но что я ему скажу? А потом, я боюсь, честно говоря. Я не знаю их отношений. Я не верю, чтобы человек умный, имеющий огромные возможности [Коржаков], не знал всего этого. Не верю. А если человек знает на 70 процентов, то Шам давно должен был бы сменить кабинет.

Предприниматель: Не может быть, чтобы нормальный человек, имея эти спецслужбы, имея огромное количество осведомителей, не знал (мы знаем, что нас прослушивают повсюду). И понимая, что Шам ворует колоссальные деньги...

Фёдоров: Ворует!

Предприниматель: И человек, который пускает к себе в кабинет всех бандитов, не знает ничего об этом?! Или он плохой, не соответствующий по службе человек, или он ворует вместе с ними. Других выводов быть не может.

Фёдоров: Только так и есть! В этом уверены, начиная с меня и кончая последним слесарем, — все в этом уверены» [3].

С помощью подконтрольных ему СМИ Борис Березовский убирал не только экономических, но и политических конкурентов. Коммерсант опубликовал в «Московском комсомольце» монолог Фёдорова, который сам же ему надиктовывал, при этом время Березовский выбрал самое неподходящее — разгар предвыборной кампании — его не пугала возможная реакция Б.Н. Ельцина и публичная дискредитация президентских соратников. Бизнесмена интересовало не столько общественное мнение, сколько мнение Ельцина относительно его приближенного Александра Коржакова. Таким образом, используя приобретенные им печатные издания Борис Березовский реализует механизм давления на власть с помощью захвата общественного мнения, управляет не только экономическими процессами, происходящими в России, не только административными чиновниками, но и первыми лицами страны, так как через некоторое время, уже после окончания первого тура выборов, начавшаяся с публикации в МК история в итоге привела к увольнению Коржакова, Барсукова и Сосковца.

Итак, предвыборная команда, возглавляемая Анатолием Чубайсом, должна была всеми силами удержать Б.Н. Ельцина в Кремле. Иначе коммерсанты первого эшелона теряли акции ключевых государственных предприятий и лояльную демократическую власть, на смену которой, судя по опросам населения, должны были прийти коммунисты, в чьи планы не входило и дальше позволять коммерсантам регулировать российскую экономику. Сам Борис Березовский позже вспоминал: «Не секрет, что именно российский бизнес, именно новые люди сыграли решающую роль в победе демократических сил на этих выборах. Это была борьба за кровные интересы» [2, с. 217].

Одним из основных инструментов регулирования общественного мнения перед выборами стали подвластные коммерсантам телеканалы и печатная периодика. Ни о каком нейтралитете СМИ перед выборами не шло и речи, согласно воспоминаниям Пола Хлебникова, пресса и телевидение, в особенности, были перенасыщены фигурой Ельцина: «[На ОРТ] нескончаемым потоком показывали новости, документальные программы и рекламные ролики, возвеличивавшие Ельцина и дискредитировавшие его противников» [2, с. 219].

Генеральный директор и главный редактор «Агентства журналистских расследований» Андрей Константинов вспоминает выборы 1996 года как Рубикон социально-политической жизни России: «Это некий водораздел: до выборов ещё были надежды на то, что что-то можно изменить, была иллюзия того, что можно что-то переделать, переналадить, перезапустить для более справедливого и честного устройства нашего мира. После переизбрания Б.Н. Ельцина на второй срок эта иллюзия исчезла. Вот это решение олигархов вваливать деньги и всё что угодно

только за Ельцина отразилось на журналистском сообщении. Многие это восприняли как догму, мол, да, надо так делать. Это особый случай, надо пойти на такое мошенничество, один раз, потому что так складываются обстоятельства» [4].

Подобной точки зрения придерживается и Валентин Юмашев: «Конечно, всё телевидение работало на Бориса Николаевича. Все частные деньги работали на Бориса Николаевича» [1, с. 246]. К тому же, на Б. Н. Ельцина «работали» и большинство печатных СМИ. Начиная с февраля 1996 года, практически каждая передовица газеты «Сегодня», «Независимой газеты», «Московского комсомольца» и прочих изданий, контролируемых коммерсантами, так или иначе упоминала Ельцина или была полностью посвящена действующему президенту.

Тем не менее, предоставляя время для Ельцинской агитации на своих телеканалах коммерсанты не хотели «продешевить». По информации Пола Хлебникова, наибольшие государственные дотации и денежные потоки уходили к телевизионному руководству. Согласно бухгалтерской проводке за первую половину 1996 года, ОРТ получило от Кремля 169 миллионов долларов, в то же время, журналист, согласно обнаруженным им данным, считает, что сам телеканал получил только 30 миллионов, остальная сумма осталась на руках руководства, в том числе, Бориса Абрамовича Березовского [2, с. 224].

Нельзя не признать, что предвыборный штаб Березовского-Гусинского-Чубайса действовал крайне остроумно, в том числе, с помощью телевидения. В частности, контроль над НТВ в очередной раз выручил коммерсантов в ключевом эпизоде борьбы с силовым агитационным блоком Коржакова. Команда СБП проникла в кабинет Германа Кузнецова, распорядившегося финансами команды Березовского, в Белом доме и обнаружила полтора миллиона долларов в валюте и чеки о переводах в иностранные банки [2, с. 236]. На следующий день силовики арестовали Сергея Лисовского, партнера Березовского по рекламе на ОРТ, и Аркадия Евстафьева, бывшего пресс-секретаря Анатолия Чубайса с коробкой, наполненной валютой. Это должно было помочь СБП окончательно расправиться с лагерем коммерсантов, уличив их в коррупции и мошенничестве.

Тем не менее, ночью того же дня после собрания в доме приёмов ЛогоВАЗа НТВ прерывает ночные трансляции для срочного сообщения. Опережая Коржакова, телеканал сообщает о том, что приближенцы Ельцина сговорились против действующей власти и арестовали помощников президента: Лисовского и Евстафьева. Утром пресса рассказала тем, кто не смотрел ночные эфиры НТВ о попытке «разрушить демократию в России» [2, с. 241]. Со страниц Московского Комсомольца Александр Будберг рассказывает читателю про действия силового крыла предвыборной команды так: «В среду вечером »большая тройка« решила нанести удар, задержав Сергея Лисовского и бывшего пресс-секретаря Чубайса Аркадия Евстафьева, выхотивших из здания правительства якобы

с крупной суммой денег. Ситуация с одиннадцатичасовым арестом активнейших организаторов предвыборной кампании Ельцина очень напомнила налет на Мост-банк. Тогда служба безопасности президента показала так называемой московской группе свою силу. Видимо, демонстрация своих возможностей казалась Барсукову и Коржакову необходимой в такой трудный момент. После возникновения грандиозного скандала стало вполне очевидно, что ещё одна такая акция и президенту придется идти на отмену второго тура, так как такие акции свели бы его шансы к нулю. Однако Ельцин, приняв решение о немедленной отставке Коржакова, Барсукова и Сосковца, и полное поражение обернул почти победой» [5].

Сосредоточив контроль над СМИ в своих руках, коммерсанты просто-напросто не дали силовикам оправдаться, не пустили в эфир, не взяли в печатную прессу. Таким образом, бизнесмены позволили существовать в общественной информационной среде только одной точке зрения — ложной: Коржаков, Барсуков, Сосковец и их сообщники подбросили агитационной команде Ельцина валюту, чтобы очернить президента, сорвать выборы, привести новую, выгодную им власть.

Другим хитрым кульбитом команды Чубайса стала вербовка генерала Александра Лебеда. Как утверждает сам Чубайс в интервью Петру Авену, пустить на выборы «подсадного» Лебеда было планом Березовского, «вся конструкция, от начала до конца, А — суть конструкции, Б — переговорный процесс» [1, с. 264]. По воспоминаниям Пола Хлебникова Березовский «стал архитектором российской национальной политики. Служба новостей ОРТ, когда требовалось, озвучивала политические взгляды Березовского; пела дифирамбы Ельцину в ходе предвыборной кампании 1996 года; восхваляла Лебеда после заключения тайной сделки между ним и Кремлем в дни выборов; развенчивала Лебеда, когда тот поссорился с Березовским несколько месяцев спустя» [2, с. 168].

Суть планов Б. Березовского и предвыборной Ельцинской команды на генерала Александра Лебеда состояла в том, что тот должен был забрать часть голосов избирателей у коммунистического кандидата, а затем после первого тура выбыть из игры, поддержав Б. Н. Ельцина, таким образом, переманивая часть избирателей, симпатизирующих коммунистам в демократический лагерь. Взамен генерал получал кресло советника президента по национальной безопасности.

Александр Иванович Лебедь начинает гораздо чаще появляться на страницах периодики в конце мая. За три недели до выборов выходит материал «Политический зачес Александра Лебеда». Аналитик Марина Шакина оценивает кандидата: «Александр Лебедь — это недообработанный политический самородок. Его запасы харизмы сопоставимы с ельцинскими образца 1990—1991 годов. Лебедь — гениальный популист со склонностью к демагогии, афористичности, гибким умом и прекрасной нервной системой... В ближайшей президентской кампании ему пока ничего не светит, но через четыре года

Лебедь может стать самым серьезным кандидатом на кресло в Кремле, если проведет эти годы с пользой — не прекратит работы над собой, окружит себя людьми, у которых будет, чему поучиться, и не даст задурить себе голову восхвалениям прилипал» [6]. Действительно, «Независимая газета» Бориса Березовского строит образ генерала Лебеда как харизматичного, решительного, справедливого политика, способного навести порядок, далеко от бюрократии и сохранившего возможность действовать воочию, а не «на бумаге». За два дня до выборов «Независимая газета» посвящает центральный разворот основным кандидатам, журналист Олег Давыдов пишет статью «За Александра Лебеда», где объясняет, почему России нужен именно генерал: «В батальоне, который принял в Афганистане тогда ещё капитан Лебедь, царил страшный бардак. Собранные из разных частей старики круто делили власть и мало обращали внимания на увещевания, что, мол, не надо ломать носы и челюсти товарищам по оружию. Бывали и случаи бесчеловечных издевательств. Так вот после одного экстремального случая, где издевательство над солдатом имело какой-то прямо изуверский характер Лебедь вызвал к себе зачинщиков. Те, конечно, ушли в несознанку, и тогда (далее цитирую по книге «За державу обидно...»): «Меня взорвало. Я всё-таки, хоть и бывший, боксер тяжелого веса с неплохо поставленным ударом. Вождь «рационализаторов» получил в челюсть и успокоился, проехав по полу в угол. Поперек него упал его первый заместитель. Сверху, рядом, сбоку полегли ещё девять рационализаторов. Крепким оказался только один. Пришлось бить два раза... Многие, конечно, могут возразить, что одно дело — наведения отчетливого порядка в отдельно взятом батальоне, или в армии, или, скажем, в отдельно взятой маленькой республике, и совсем другое — в огромной России. Не до всякого носа кулак, мол, дотянется. Нельзя к каждому чиновнику приставить надсмотрщика и т.д. Верно. Но только Лебедь не такой дурак, чтобы тянуться ко всякому отдельно взятому коррумпированному или бандитскому носу. Самое привлекательное в Лебеде как раз то, что он мыслит системно, стратегически — именно в том стиле, который прививает армия» [7].

Устроенная предвыборным штабом Ельцина информационная поддержка генерала Лебеда привела к тому, что кандидат занял третье место в первом туре, набрав 15% голосов. На следующий день генерал вышел из игры, поддержав Б.Н. Ельцина, и занял заранее обещанный ему пост помощника президента по вопросам национальной безопасности и секретаря Совета безопасности.

По данным службы изучения общественного мнения Vox Populi, определяющей ключевых политиков, высчитывая их популярность и рейтинг влияния, заручившись поддержкой коммерсантов генерал Лебедь смог стать третьей по важности политической фигурой в стране всего за несколько месяцев. Согласно опубликованному в «Независимой газете» списку, в начале марта Александр Лебедь располагался на 25 позиции [8], тогда как в июне генерал

занял уже третье место, уступив только Б.Н. Ельцину и Ю.М. Лужкову [9].

Таким образом, российский бизнес использовал большинство ранее приобретенной им общенациональной прессы и федерального телевидения в интересах материального обогащения, так как полученные ими государственные субсидии и акции крупнейших предприятий взамен на финансирование предвыборной кампании Б.Н. Ельцина в случае смены власти были бы отобраны, лидировавшие в предвыборной гонке до вступления в агитационную кампанию штаба Чубайса-Березовского-Гусинского коммунисты в случае избрания Г.А. Зюганова не позволили бы и дальше контролировать российскую экономику, и в интересах укрепления собственного политического влияния. Сделав Ельцина фактическим монополистом эфирного времени, коммерсанты внесли наиболее значимый вклад в расширение демократического электората. Бизнесмены продемонстрировали, что судьба страны во многом, а флюгер позиции медиа практически полностью зависит от их политических предпочтений. Это подтверждает глава «Агентства журналистских расследований», в то время, один из популярных петербургских журналистов Андрей Константинов: «Я считаю, что последующие турбулентные завихрения, происходящие в нашей стране, были обусловлены тогда, надо было всё-таки честно попытаться сделать, тогда была бы надежда. Но ведь это закон бизнеса: увидел более короткую схему, будешь идти по ней, будешь экономить. А Березовский с Гусинским, в первую очередь, бизнесмены. И так вот оно и понеслось» [4]. Пример 1996 года демонстрирует, как личные интересы коммерсантов благодаря СМИ стали интересами всей страны, во всяком случае большей её части, проголосовавшей за Б.Н. Ельцина.

Приложение

Фрагмент экспертного интервью с генеральным директором «Агентства журналистских расследований» Андреем Константиновым

О Б.Н. ЕЛЬЦИНЕ И ВЫБОРАХ 1996 ГОДА:

— Это краеугольный камень нашей новейшей истории. Многое пошло не так ровно из-за того, что был водораздел: до 96 года была иллюзия того, что можно что-то переделать, переналадить, перезапустить для более справедливого и честного устройства нашего мира. Поскольку реформы все эти были связаны с катастрофическим положением дел в экономике, реформаторы были неумелые, народ жил плохо, обнищание, бандитизм и, естественно, у людей возникали мысли о том, что лучше бы как-то назад. Люди не понимали, что Зюганов — это не дверь назад, это уже не тот коммунист. Тем не менее, маятник качнулся. И, конечно, если бы выборы были честными, то победил бы Зюганов. Многие считают, что он и победил, на самом деле. Но на момент когда начиналась кампания у Ельцина был низкий рейтинг. Всех это напугало... А поскольку так сложилось, что большинство в журналистике

были люди, которые хотели нового, тех, кто сочувствовал коммунистам их было крайне мало. Вот это решение олигархов вваливать деньги и всё, что угодно, только за Ельцина. Многие это восприняли как догму, мол, да, надо так делать. Это особый случай, надо пойти на такое мошенничество, один раз, потому что так складываются обстоя-

тельства. Я считаю что последующие турбулентные завихрения были обусловлены тогда, надо было всё-таки честно попытаться сделать, тогда была бы надежда. Закон бизнеса всегда такой, когда увидел более короткую схему, будешь идти по ней, будешь экономить. И вот так вот оно и понеслось.

Литература:

1. Авен П. Время Березовского. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2018. — 816 с.
2. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. — М.: Детектив-Пресс, 2004. — 384 с.
3. Минкин А. Фавориты // Новая газета. 1996 от 7 июля [Электронный источник: <https://old.flb.ru/info/5868.html>]
4. Калашников И. Экспертное интервью с А. Константиновым
5. Будберг А. Что же вы творите, генералы? // Московский комсомолец. 1996. № 113 (17.375) от 21 июня
6. Шакина М. Политический зачет Александра Лебеда // Независимая газета. 1996. № 96 (1175) от 28 мая
7. Давыдов О. За Александра Лебеда // Независимая газета. 1996. № 107 (1186) от 14 июня
8. ведущих политиков в феврале // Независимая газета. 1996. № 41(1120) от 1 марта
9. ведущих политиков России в июне // Независимая газета. 1996. № 118 (1197) от 29 июня

Мемуаристы об изменениях в жизненном мире польских дам после заключения межнациональных браков в XIX в.

Мартианова Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, преподаватель Кубанский государственный медицинский университет (г. Краснодар)

Жизненный мир человека — системное понятие, объединяющее историю повседневности и событийную историю. Мемуары дают возможность понять события разных уровней утраченных жизненных миров. Межнациональный брак значительно изменял жизненный мир мужчин, женщин. Мемуаристы характеризовали эти изменения. В центре внимания — жизненные миры польских дам, вышедших замуж за русских дворян. Цель статьи — выявление подсистем их жизненных миров, претерпевшие изменения в результате межнационального брака. Задача — охарактеризовать жизненные миры польских дворянок до и после замужества.

Иоанна Антоновна Грудзинская, вышла замуж за Цесаревича Константина. Она была из небогатой шляхетской семьи, воспитывалась во французском пансионе. Цесаревич отказался от своих прав на престол, брак был заключён в 1820 г., его молодая жена получила титул княгини Лович. В браке Иоанна столкнулась с «естественным результатом юношеских увлечений» [1] Константина: во дворце жили его незаконнорожденные дети. Цесаревич после свадьбы вернулся к своим прежним «увлечениям», несмотря на любовь к Иоанне. Княгиня Лович вместо семейного счастья обрела супружескую измену. Александр I позже приказом удалил любовниц брата из Варшавы. С тех пор «они жили душа в душу и не могли существовать друг без друга» — вспоминала Н. И. Голицына, приближённая княгини. Мему-

аристы отмечали влияние Иоанны на Цесаревича: «она нередко умеряла вспышки его гнева и умела удерживать его неизменной кротостью своего характера» [1], «... княгиня Лович, ангелоподобное создание, которая казалось, только и жила для того, чтобы смягчить грубость своего мужа» — вспоминала Великая княгиня Ольга Николаевна [2]. Перемены в жизненном мире Иоанны коснулись подсистем приватной повседневности.

Брак Иоанны с наместником в Царстве Польском затронул вторую макросоставляющую жизненного мира — подсистему внеповседневной реальности. К ней относится всё, с чем человек сталкивается и переживает не каждый день: события Истории, акты творчества и т.д., нарушающие привычное течение жизни [3]. Иоанна была патриоткой. Её брак с Константином вызвал неоднозначную реакцию поляков. Одни сочли Иоанну предательницей Родины, другие видели в ней чуть ли не спасительницу Польши. Княгиня осознавала политические ожидания поляков. Как показали события Ноябрьского польского восстания 1831 г., в ней долг перед Родиной и перед мужем создал неразрешимое противоречие. Подсистемы её жизненного мира оказались в жёсткой конфронтации, что и было подмечено мемуаристами: «У неё в этом мире оставались одни воспоминания, и эти воспоминания слились воедино: Великий князь и Польша ...» [1, с. 162]. Д. Фикельмон, бывшая при дворе Цесаревича на обеде в Бельведере, писала в дневнике 3 июля 1829 г.: «От неё ожидали

многого. Верили, что женитьба Властелина с полькой благотворно отразится на судьбе Польши. Но она не оправдала надежд ... Вероятно, именно это и является причиной её меланхолии» [4]. Иоанна не смогла найти выход из конфликта внутри её жизненного мира. Скорбь об умершем муже и невозможность что-либо сделать для поляков быстро окончили её дни. Рассогласованность подсистем жизненного мира Иоанны была выражена Н.И. Голицыной: «Она уже не была ни той пламенной полькой, соединявшей жар патриотизма с преданностью супругу ..., ни той деятельной частицей политического мира, которая с энтузиазмом принимала участие во всех сценах трагедии ... То было подавленное существо, лишившееся всего, что связывало её с землёй» [1, с. 162].

Эвелина Иосифовна Скуревич была матерью писателя В.Г. Короленко. Отец писателя Галактион Афанасьевич сделал предложение тринадцатилетней Эвелине: «С безотчетным эгоизмом он ... проводил ... план ограждения своего будущего очага в семье, в которой мог предполагать традиции общепринятой честности, он выбирал себе в жены девочку-полуробёнка, которую хотел воспитать, избегая периода девичьего кокетства» [5]. Первые годы существования семьи были несчастны. Умер первенец, несчастный случай превратил Галактиона Афанасьевича в калеку. Отец писателя был ревнив, и «ревность его сказывалась дико и грубо» [5, с. 35]. Неприятный случай улучшил обстановку в многодетной семье: по доносу всплыло дело о женитьбе судьи Короленко на несовершеннолетней. Только от Эвелины зависело, будут ли они далее женаты. Она решила не оставлять своего мужа, «кризис миновал благополучно», а в семье установился «тон взаимного уважения и дружбы» [5, с. 36]. Изменения в жизненном мире Эвелины после свадьбы были вызванные резким переходом в иное статусное состояние: до свадьбы она — ребёнок, а после — «взрослая женщина». Психологический кризисом и проблемы женской доли подтолкнули её к первому самостоятельному решению. Осознание, что от неё зависит будущее семьи, помогли Эвелине достичь гармонии в своём жизненном мире.

Январское польское восстание 1863 г. внесло новую дисгармонию в жизненный мир Эвелины. Политические споры с мужем о праве поляков на борьбу за национальную независимость и о праве императора подавить восстание отразились на её духовном состоянии и общественно-политическом поведении. Она посещала костёл, что было небезопасно для жены городского судьи. Писатель вспоминал историко-политический разговор родителей: «... ссора не имела личного характера. Они спорили, и мать плакала не от личной обиды, а о том, что было прежде и чего теперь нет: о своей отчизне, где были короли в коронах, гетманы, красивая одежда, какая-то непонятная, но обаятельная »воля«, ... школы, в которых учился Фома из Сандомира... Теперь ничего этого нет... Отняли родичи отца... Они сильнее. Мать плачет, потому что это несправедливо... их обидели...» [5, с. 100]. Подсистемы

повседневной и внеповседневной реальности жизненного мира Эвелины оказались в жёстком противостоянии. Опора на представление о семье как высшей ценности для женщины, необходимость заботиться о ней, помогли ей пережить кризис: национально-политические и исторические проблемы отступили на второй план.

Графиня Екатерина Прокофьевна Подборская 24 лет по любви вышла замуж за князя Александра Васильевича Мещерского 73 лет. Её отец Прокофий Семёнович Подборский, из разорившегося рода, был медиком, генералом в отставке, жил скромно с семьёй на Полтавщине. Князь помог Екатерине стать оперной певицей. Её карьера складывалась очень удачно. В 24 года она успешно дебютировала в Ла Скалла и ей предложили выгодный контракт, но она отказалась, так как в это князь вызвал её в Москву и сделал предложение.

Их дочь Екатерина Александровна Мещерская, опираясь на дневники матери, писала в мемуарах, что князь оградил её от сцены и всякого «обогащения её сердца духовными интересами и ценностями» [6], поскольку они были неуместны для княгини Мещерской, жены шталмейстера императорского двора. На неё обрушилась ненависть аристократии, которую разжигала дочь князя от первого брака с баронессой Строгановой — герцогиня Наталья Александровна де Сассо-Руффо. Сплетничали, что князь Мещерский женился на польской еврейке «из шантана» [6, с. 37]. Князь увёз жену в полтавское имение, чтобы оградить её от оскорблений, но оправдываться не хотел. За честь дочери вступился генерал Подборский. Он добился приёма у императора и предъявил документы о безупречности своего дворянского происхождения. Молодожёнам вернулось благоволение Николая II, их пригласили ко двору, чтобы князь представил свою жену. Свет познакомился с уникальным талантом Екатерины, но муж запретил ей участвовать в салонных концертах.

Изменения в жизненном мире княгини Мещерской после замужества развивались на почве национализма и снобизма, которым отличалась часть российской аристократии. Злословие преследовало её и после смерти мужа. Екатерина Прокофьевна навсегда потеряла профессию, которую горячо любила. Она усилием воли и своей духовно-нравственной позицией заместила эти важные для неё подсистемы жизненного мира не менее важными. Княгиня жила воспоминаниями о своём муже, занималась благотворительностью, во время Первой мировой войны стала простой санитаркой в собственном госпитале.

Изменения в жизненном мире полек, произошедшие после их замужества с русскими дворянами, привели каждую из них к сложному системному кризису, который охватил основные составляющие жизненного мира: повседневность и внеповседневную реальность, что и заметили мемуаристы близко их знавшие. Кроме поиска выхода из частных проблем, эти женщины должны были пережить проблемы, продиктованные сложившейся исторической ситуацией, которые стали неотъемлемой частью их жизненных миров.

Литература:

1. Голицына Н. И. Воспоминания // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830—1831 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 163.
2. Романова О. Н. Сон юности // Боханов А. Н. Николай I. М.: Вече, 2008. С. 324.
3. Более подробно о структурах жизненного мира см.: Мартианова И. Ю. Жизненный мир и его структура в воспоминаниях Е. Н. Звержевич // Ежегодник историко-антропологических исследований 2010. М.: Изд-во «ЭКОН-ИНФОРМ», 2010. С. 304—319.
4. Фикельмон Д. Отрывки из дневника 1829 г. <http://www.pushkin-book.ru/?id=15>
5. Короленко В. Г. История моего современника. Т. 1—2. Л.: Художественная литература, 1976. С. 34.
6. Мещерская Е. А. Жизнь некрасивой женщины. М.: Вагриус, 2007. С. 40.

Поездка на фронт: исторический туризм по следам Первой мировой войны (отечественный и европейский опыт)

Чупрасова Дарья Сергеевна, выпускник

Московский педагогический государственный университет

Столетний юбилей Первой мировой войны приводит к тому, что в России, стране, много лет не интересовавшейся сохранением исторической памяти о войне, появляется масса приуроченных к дате проектов. Это и кинематограф, и музыкальные произведения, а также выставки, конференции, художественная и научно-популярная литература и многое другое. Однако существует большое количество направлений, которые до сих пор практически не затронуты на территории России — к примеру, исторический туризм по местам боев Первой мировой войны. Однако военный туризм как направление туризма в последнее время набирает популярность в России в виде боевых стрельб, исторической реконструкции, катания и полетах на военной технике [2, с. 16].

В России основные бои Первой мировой войны проходили на территории нынешней Калининградской области, которая хранит наследие войны, несмотря на то что бывшие немецкие города давно уже переименованы (Калининград — Кенигсберг, Гусев — Гумбиннен, Багратионовск — Прейсиш-Эйлау). По всей территории расположены памятники (например, Памяти забытой войны, изменившей ход истории на территории «Технополис GS» в городе Гусев, памятник Штыковой атаки там же), количество которых превышает количество памятников в Москве и Санкт-Петербурге. Туроператоры Калининградской области проводят тематические экскурсии (например, экскурсия «Война и мир» туроператора Юнона [7] с посещением мест Гумбинненского сражения и памятников войны).

Холдингом GS Group совместно с Калининградским историко-художественным музеем к юбилею войны был создан сайт — «Путеводитель по следам Первой мировой войны в Калининградской области» [4], который включает в себя карту, где отмечено 89 памятных объектов (в основном это памятники и захоронения, здания — казармы,

кирхи и т. д.) и 8 туристических маршрутов (которые делятся по средству передвижения, длительности и территории). Кроме того, на сайте предложены места для отдыха (гостиницы, рестораны и т. д.), не имеющие отношения к событиям войны. На сайте также есть фотогалерея объектов.

В белорусской историографии Первую мировую войну часто называют «неизвестной войной», что связано с общим советским прошлым и, соответственно, общим формированием политики памяти в раннее советское время. Однако по территории Беларуси проходила линия фронта.

Многие места Беларуси являются памятниками Первой мировой войны — Сморгонь (в городе есть мемориал, посвященный жертвам войны), Нарочь (бункер, доты, кладбища с памятным знаками), Крево (руины Кревского замка, окопы, доты), Гродно (форты Гродненской крепости), Барановичи (баракы, братская могила).

В часе езды от польского города Августов находится крепость Осовец, на территории которой прошла так называемая «Атака мертвецов». С данной крепостью связан нарратив об «забытом часовом» [5] — солдате, 9 лет несущем «вахту» в давно оставленной крепости. Схожий герой фигурирует в повести «В списках не значился» Бориса Васильева [1] (о Брестской крепости), похожая реальная история и у японского лейтенанта Хироо Онода [17], который не признавал окончание Второй мировой войны на протяжении 29 лет.

По части территории самой крепости водят экскурсии работники краеведческого музея, находящегося поблизости. На другую часть туристам попасть нельзя, так как там до сих пор находится склад боеприпасов ВВС Польши.

В целом, на территории Польши находится большое количество памятников и захоронений, как, например, Воинское кладбище № 381 в городе Величка, на котором захоронены солдаты, погибшие в конце 1914 года. По

словам представителя Минобороны РФ по организации и ведению военно-мемориальной работы в Польше Вячеслава Половинкина в интервью РИА Новости [3], на территории Польши находится около 800 согласованных захоронений времени Первой мировой войны, однако на деле их значительно больше — еще не менее 1000.

На территории Бельгии бои шли на протяжении всей войны. Естественно, нельзя не вспомнить о маках Фландрии¹ и многочисленных битвах за Ипр, в ходе которых впервые был применен иприт, газ, названный именно в честь этого города. В самом центре города находится музей «На полях Фландрии» [15]. Неподалеку расположены Мененские ворота, полностью исписанные именами погибших солдат Британии и стран Содружества. Ежедневно, в 20:00, у ворот звучит сигнал отбоя (традиция прерывалась только на время Второй мировой войны, когда город был оккупирован). Ипр окружает множество военных кладбищ, но основным из тех, что связаны с Первой мировой войной, является кладбище Тайн Кот. Под Ипром находится небольшой город Зоннебеке — но это название ни о чем не говорит, если не знать, что когда-то частью этого города стала деревушка Пашендейл, бывшая плацдармом для кровопролитных боев. Также недалеко от Ипра находятся Башня на Изере и музей мира — памятник фламандским солдатам, погибшим во время Первой мировой.

Правительство Бельгии ставит целью организацию коммеморативных мероприятий в период 2014–2018 годов [8] (это самый значительный памятный проект в истории страны). 11 ноября 2018 года мероприятия закончатся в Брюсселе.

Разные организаторы и частные экскурсоводы предлагают экскурсии по Фландрии (чаще всего это выездные одно- или двухдневные экскурсии, как, например, «Тур по полям сражений Первой мировой войны из Брюсселя» на сайте Viator TripAdvisor Company [24]). К бельгийским памятным местам проявляют интерес не только жители Бельгии и ближайших европейских городов, но и жители Великобритании (что объясняется уже упомянутыми выше Мененскими воротами — памятник солдатам Британии, погибшим во Фландрии). В 2017 году «The Telegraph» опубликовал статью «10 лучших туров по полям сражений Первой мировой» [18], которые предлагают отправиться либо в Бельгию, либо во Францию. Кроме того, британские школьники тоже могут отправиться на тематическую историческую экскурсию [27]. Для жителей Соединенных Штатов Америки подобные экскурсии организует фирма «Stephen Ambrose Historical Tours», основанная Стивеном Амброузом, автором известной книги «Братья по оружию» [9], по которой впоследствии был снят одноименный сериал. Пятнадцатидневный тур «Война, чтобы покончить со всеми войнами» [26] предлагает отправиться в путешествие по Бельгии и Франции.

Многие французские топонимы также известны благодаря проходившим на их территории сражениям Первой мировой: города Верден, Аррас, Амьен, реки Сомма, Марна, Аргонский и Арденский леса. Несмотря на то, что Франция так же широко отмечает столетие Первой мировой войны, как и Бельгия, не все этапы войны освещены одинаково хорошо. Исследователи отмечают [19], что Франция уделяет памяти о битве на Сомме куда меньше внимания, чем битве за Верден, и даже называют Сомму битвой, забытой Францией.

На уже упомянутом сайте Viator можно найти экскурсии только по Франции: например, «Первая мировая война в Северной Франции» [25]. Ресурс Express в 2014 году предложил список туров под заголовком «Посетить поля сражений и окопы в Шампань-Арденнах» [22]. Это экскурсии к мемориалу памяти битвы на Марне, британскому кладбищу, русской церкви и русскому же военному кладбищу, по Шампани и Реймсу.

В Австралии и Новой Зеландии активно отмечается 25 апреля как День АНЗАК (аналог Дня памяти в Европе). Большое значение Первой мировой войны (и непосредственно Дарданелльской операции, в ходе которой корпус АНЗАК высадился на полуострове Галлиполи во Франции) для обеих стран отметил Майкл Джеффри, генерал-губернатор Австралии, заявив, что благодаря этой операции у австралийцев появилось национальное сознание [12, с. 24].

TripAdvisor Australia выделил «День Анзак» [10] отдельной вкладкой в разделе «Перед тем, как отправиться в Австралию». Здесь описывается история этого праздника, а также памятные места, которые можно посетить на территории Австралии и Новой Зеландии. Доктор Брэд Уэст из Университета Южной Австралии считает, что «если молодые люди не смогут участвовать в Дне Анзак хотя бы через путешествие, если они не будут переосмыслять эту историческую эпоху таким образом, то, я уверен, этот день не будет иметь ту актуальность, которую он имеет сейчас» [21]. Важной частью празднования Анзак Дня является так называемое «паломничество в Галлиполи» (Турция).

Семен Геннадьевич Павлюк, преподаватель географии в МГУ, так описывает посещение австралийцами Дня Анзак в Турции: «И все же большинство австралийцев прибывают на день Анзак в рамках организованного тура. В Турции они проводят всего несколько дней: 2 дня — в Галлиполи, 2 дня в Стамбуле — и обратно на Родину» [6, с. 31].

Таким образом, мы видим прямую связь между территориями, на которых проходили боевые действия Первой мировой войны, и историческим туризмом по данной тематике. Также можно отметить, что уже существующие экскурсии в основном несут региональный характер, направленный либо на жителей данной страны, либо на представителей тех стран, чьи жители сто лет назад при-

¹ Известное произведение подполковника Дж. Маккрея «На полях Фландрии»: «In Flanders fields the poppies blow Between the crosses, row on row». Цитата дана по In Flanders Fields and Other Poems. — G. P. Putnam's Sons, 1919.

нимали участие в боях на данной территории. Кроме того, на данный момент наиболее популярные направления следующие: для европейцев и американцев — Франция и Бельгия, для россиян — Калининградская область (и, в меньшей степени, Беларусь).

В рамках данного исследования планируется разработка полного маршрута, включающего в себя как Россию, Францию, Бельгию, так и Турцию (Галлиполи), Италию (Доломитовые Альпы), Германию (Ной Вахе и другие мемориалы) и прочие страны.

Литература:

1. Васильев Б. Л. В списках не значился. — М.: Детская литература, 1986. — 224 с.
2. Гарбузова Л. Военный туризм. Материалы II Международной научно-практической конференции «Туризм и общественная география: вчера, сегодня, завтра» (10 декабря 2015 г.): сборник научных статей. — Гжель: ГГУ, 2016. — с. 16–17
3. Минобороны: в Польше сотни неучтенных захоронений Первой мировой войны / РИА Новости [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/interview/20140219/995817599.html> (дата обращения: 06.10.2018)
4. Путеводитель по следам Первой мировой войны в Калининградской области [Электронный ресурс]. — URL: <http://fww-explore.com/> (дата обращения: 06.10.2018)
5. Смирнов С. С. Бессменный часовой (Пока еще легенда) // Рассказы о неизвестных героях. — М.: Советский писатель, 1985.
6. Стогниенко, В. С. Планета Футбола. Города, стадионы и знаменитые дерби / Владимир Стогниенко, Семен Павлюк. — Москва: Издательство «Э», 2017—320 с.
7. Экскурсия «Война и мир» / Юнона [Электронный ресурс]. — URL: <https://kldtur.ru/excursion/ekskursiya-vojna-i-mir/> (дата обращения: 06.10.2018)
8. 2014–18 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.be14-18.be/en>
9. Ambrose, Stephen E. (1992). Band of Brothers, E Company, 506th Regiment, 101st Airborne: From Normandy to Hitler's Eagle's Nest (Trade paperback ed.). Touchstone, Simon & Schuster.
10. Australia: Anzac Day / TripAdvisor Australia [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tripadvisor.com.au/Travel-g255055-c57388/Australia:Anzac.Day.html> (дата обращения: 06.10.2018)
11. Battlefield Events: Landscape, commemoration and heritage. Routledge, 2016.
12. Fox, James. «Poppy Politics: Remembrance of Things Present», in Cultural Heritage Ethics: Between Theory and Practice. Open Book Publishers, 2014. pp.23–28
13. Hughes, G. Visiting the Somme & Ypres Battlefields Made Easy. Pen & Sword Military, 2014.
14. In Flanders Fields and Other Poems. — G. P. Putnam's Sons, 1919.
15. In Flanders fields museum [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.inflandersfields.be/en> (дата обращения: 06.10.2018)
16. Lloyd, David W. (1998). Battlefield Tourism. Oxford: Berg.
17. No Surrender: My Thirty-Year War. — USA: Naval Institute Press, 1999. — 219 с
18. The 10 best First World War battlefield tours / The Telegraph [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/travel/tours/best-first-world-war-battlefield-tours/> (дата обращения: 06.10.2018)
19. The Somme: The battle that France forgot / BBC [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-36585199> (дата обращения: 06.10.2018)
20. Thomson, E., Ruler, J. World War I Battlefields: A Travel Guide to the Western Front. Bradt Travel Guides Ltd, UK, 2017.
21. Tourism's part in the Anzac legend / news from the University of South Australia [Электронный ресурс]. — URL: <http://w3.unisa.edu.au/unisanews/2015/April/story4.asp> (дата обращения: 06.10.2018)
22. Visit the battlefields and trenches of Champagne-Ardenne / Express [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.express.co.uk/travel/activity/491904/First-World-War-tour-Champagne-Ardenne> (дата обращения: 06.10.2018)
23. Winter, Caroline. Tourism, social memory and the Great War. Annals of Tourism Research 36.4 (2009): 607–626.
24. World War I Battlefields Tour of Flanders from Brussels / Viator [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.viator.com/tours/Brussels/World-War-I-Battlefields-Tour-of-Flanders-from-Brussels/d458-2200FLANDERS> (дата обращения: 06.10.2018)
25. World War I Tour of Northern France / Viator [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.viator.com/tours/Reims/First-World-War-Tours-in-Northern-France-in-a-3-hour-trip/d5049-7416P1> (дата обращения: 06.10.2018)
26. WWI tour: war to end all wars / Stephen Ambrose Historical Tours [Электронный ресурс]. — URL: <https://stephenambrosetours.com/tour/wwi-tour/> (дата обращения: 06.10.2018)
27. Ypres & The Somme History School Trips & Tours / nst [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nstgroup.co.uk/history-school-trips-to-the-wwi-battlefields> (дата обращения: 06.10.2018)

АРХЕОЛОГИЯ

Каменные конструкции и погребения бронзового века в могильнике у хутора Беляево

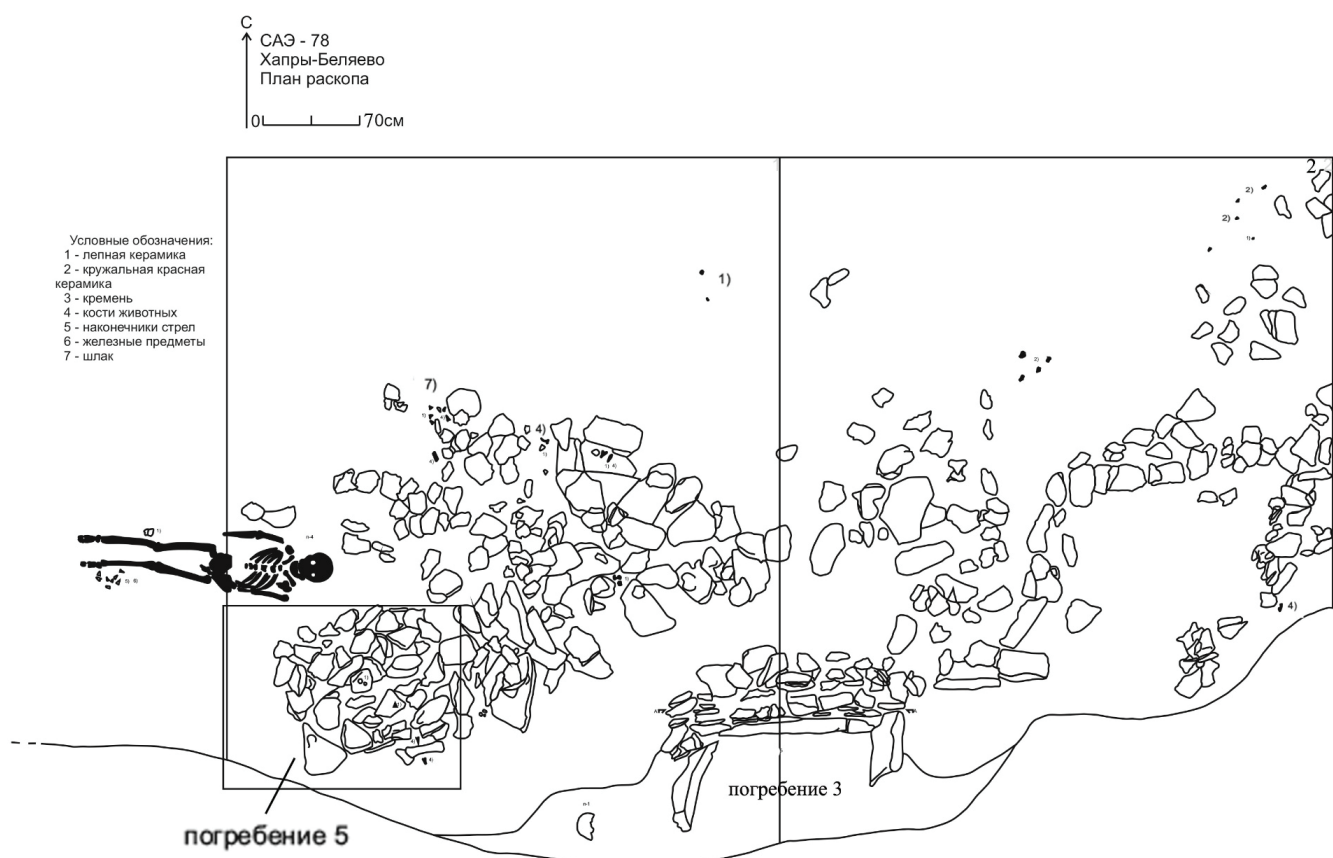
Ларенок Оксана Павловна, студент магистратуры
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В 1977 году сотрудником Ростовского музея Краеведения Е. И. Беспалым был обнаружен могильник, расположенный к западу от кладбища хутора Беляево, к югу от железной дороги (станция Хапры). В 1978 году были произведены охранные раскопки археологами Ростовского музея Краеведения.

Участок, на котором обнаружены древние захоронения, с юга ограничен небольшим песчаным карьером, с запада — окопом и огородами, с севера — грунтовой и железной дорогами, с востока — балкой. Поверхность участка была разрушена бульдозерной ходкой, пробитой для расширения карьера и размыва дождями. При осмотре в срезе обрыва были обнаружены остатки каменного ящика (погребение № 3), а по бульдозерной ходке собраны фрагменты керамики.

При исследовании данного могильника всего были зафиксированы остатки 5 погребений, одна яма и каменные конструкции. Из которых погребения № 3 и № 5 относятся к позднему бронзовому веку, погребение № 4 — V—IV века до нашей эры. Погребение № 1, обнаруженное к западу от каменного ящика в осыпи обрыва, состояло из остатков черепа человека, определить не удалось. А также на территории могильника было обнаружено небольшое стойбище IX—X веков, об этом свидетельствуют найденные обломки амфор, баклажки и фрагменты котлов с внутренними ушками. Погребение № 2, по всей видимости, относится к этому же периоду.

Период поздней бронзы на памятнике представлен каменными конструкциями — закладами и ящиками (погребение № 3, 5), занимающую большую часть раскопа.

Каменные конструкции располагались в южной части квадратов 1 и 2, северо-восточной части квадрата 2, северной части квадрата 3 и западной части квадрата 4. В юго-западной части квадрата 1 было обнаружено захоронение под каменным закладом (погребение № 5). В юго-восточной части ямы были найдены: небольшой сосуд баночной формы (в заполнении ямы, под закладом), орнаментированный горшочек и фрагменты днищ двух сосудов (на дне ямы). С севера и востока заклад был окаймлен каменной вымосткой, среди камней которой было обнаружено большое количество фрагментов лепной слабопрофилированной керамики без орнамента, костей животных и кусков шлака.

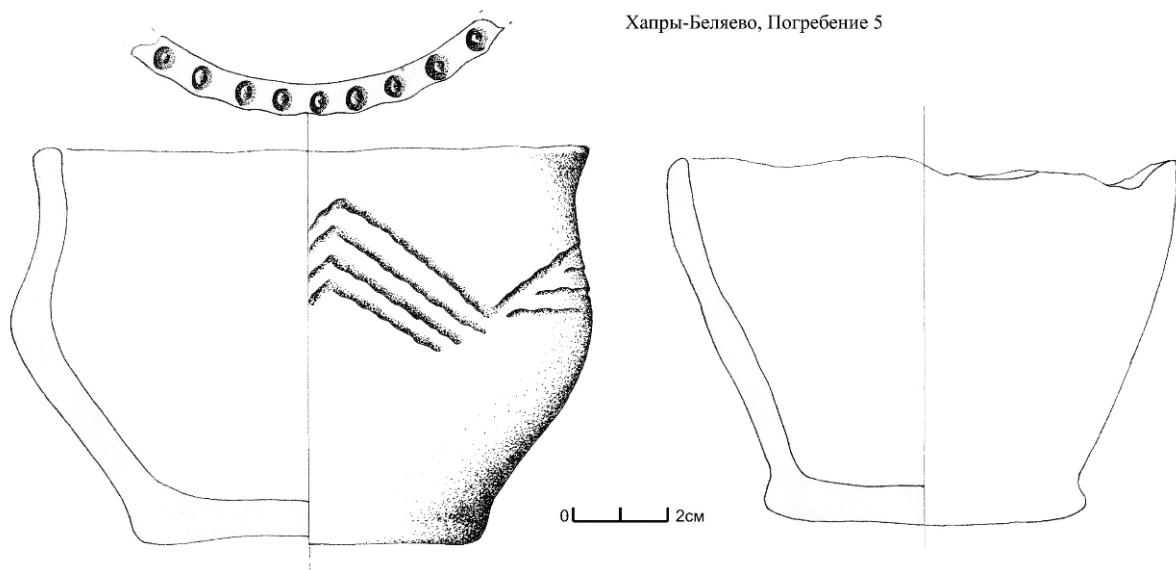
На стыке квадратов 1 и 2, южнее от вымостки и не прикасаясь с ней, сохранилась часть каменного ящика (погребение № 3). Нижняя часть — сложена из больших поставленных на ребро известковых плит (восточная, северная и западная стенки). Наиболее сохранившаяся северная стенка. На ее нижней плите, как на фундаменте, шла кладка насухо из мелких плиток известняка с забутовкой швов мелкими камнями. Высота сохранившейся части ящика — около метра, длина — северной стенки 1,6 метра, западной — 0,65, восточной — 0,45 метра.

В юго-восточной части квадрата 2 к ящику (погребение № 3) подходят остатки прямоугольной оградки из

известняка, южная часть которой уничтожена обрывом. Ширина — 1–2 камня, глубина — 1 камень. Длина сохранившихся частей стенок: западная — 1,4 метра, восточная — 1,2 северная — 2 метра. Принадлежность данного сооружения к какому-либо погребению не ясна, вероятно оно было разрушено обрывом.

Остальная часть каменных сооружений на квадрате 2–4 представляет собой дугу, концами подходящую к обрыву на востоке и к прямоугольной оградке на западе. Вероятно, данная конструкция — это остатки кромлеха, либо оградки, с которой связаны остатки черепа и развал сосуда в юго-западной части квадрата 3 (погребение № 6), погребенные под несколькими камнями. Что позволяет говорить о том, что погребение имело каменный заклад.

Керамический комплекс представлен баночными, острореберными и горшковидными сосудами. В большинстве случаев сохранились лишь фрагменты. В погребении № 5 были обнаружены два целых сосуда. Один из них баночный, лепной, ассиметричный, без орнамента со следами выгоревшей органики. Второй — усеченно-биконической формы, открытого типа, со слабопрофилированной орнаментированной верхней частью. Орнамент расположен ассиметрично и составляет композицию из пяти групп «ёлочек». Площадка венчика орнаментирована рядом оттисков концом палочки.

Хапры-Беляево, Погребение 5

Могильники с каменными погребальными конструкциями такого типа известны имеют широкое распространение на территории Ростовской области, некоторые из них — Сухо-Чалтырские курганы [3], курганный могильник Репный I, к западу от города Белая Калитва [2], Ясиновский II, у хутора Чапаев, Белокалитвенского района [4].

В 1963–1964 годах С. Н. Братченко и Э. С. Шарафудиновой на окраине города Ростова-на-Дону был исследован Ливенцовский могильник I (Братченко, Шарафудинова 1998). В сооружении данного срубного могильника был использован камень, представленный 35 закладами

над могилами и 12 кромлехами, состоящими из одно-двух, трех колец. Среди камней закладки и под кладкой колец кромлеха также были обнаружены кости животных и обломки крупных сосудов, связанные с тризной, относящейся к детскому и подростковому погребениям (№ 65, 34). Сосуды представлены тремя традиционными типами, аналогичным на могильнике Беляево, — банки, острореберные и горшковидные (погребения № 11, 17, 38, 55). Керамический комплекс в основном не орнаментирован, в редких случаях орнамент выполнен оттисками веревочки (погребение № 38) [1].

Литература:

1. Братченко с. Н., Шарафутдинова Э. С. Ливенцовский могильник I // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 16. Азов, 2000.
2. Глебов В. П. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Том 1, Ростов-на-Дону, 2004.
3. Ильюков Л. С., Ларенок П. А. Сухо-Чалтраские курганы бронзового века // Советская археология. Вып. 4, Москва, 1982.
4. Мимоход Р. А. Стратифицированные курганы бронзового века на правом берегу Северского Донца. Москва, 2018.

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Из истории японских новогодних ракеток для игры в волан

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В преддверии Нового года в Японии проходит целая череда необычных базаров, на которых можно купить всякого рода благопожелательные предметы. Одним из таких предметов издавна считались ракетки для игры в волан — *хагоута*. Базары же по продаже новогодних ракеток называют *хагоута-ити*. Они стартуют в Киото 15 декабря, а затем эстафету подхватывает Токио, где в районе Асакуса на территории известного буддийского храма богини милосердия Каннон каждый год с 17 по 19 декабря проходит оживленная, похожая больше на праздник, продажа этих традиционных атрибутов японского нового года. Надо сказать, что базары по продаже ракеток не всегда выделялись в самостоятельный базар, однако, когда на общих предновогодних базарах наряду с традиционными новогодними украшениями стали появляться ракетки, они привлекли такое внимание покупателей, что вскоре стали самым продаваемым товаром. Популярность ракеток объяснялась необыкновенной красотой этого новогоднего атрибута, пышностью декора и виртуозно выполненным тиснением на ткани.

Так как же так случилось, что ракетки для игры в волан стали практически произведениями искусства и удостоились чести иметь свой собственный базар?

Считается, что эта игра была заимствована японцами еще в XIV в. из Китая, где было принято играть ракетками, перебрасываясь вместо волана монеткой. Однако эта игра не сразу получила популярность при японском дворе. И, вероятно, лишь столетие спустя получила признание в Японии. Во всяком случае, первые письменные упоминания об этом виде развлечения в Японии датируются 1432 годом, когда в дневниковых записках «Каммонгёки» впервые рассказывалось о том, что придворные дамы и кавалеры разделились на две команды и провели состязание в *коги-но ко*. Так, вероятно, именовались тогдашние ракетки-*хагоута*. В том же произведении можно было прочитать, что проигравшая команда должна была «платить» за свой проигрыш, а именно, устраивать пирушку для всех присутствующих. Есть также сведения, что уже тогда при дворе военного правителя Японии сёгуна Асикага было принято в конце года устраивать игры в волан [3, с. 668]. Однако чаще игра в волан была приурочена к новогодним праздникам и для нее была даже определена точная дата —

5-й день после наступления Нового года. При этом игра не всегда носила состязательный характер.

Само же слово *хагоута* впервые было упомянуто в 1444 г. в памятнике «Кагакусю», где было написано: «На Новый год используют *хагоута*» [3, с. 668]. Следует отметить, что для обозначения ракетки для игры в волан изначально использовалось несколько слов. Так, наряду с уже упомянутым *коги-но ко*, широкое распространение получил термин *кокоута*, который стал употребляться чаще других. Кроме того, существовало несколько локальных названий ракеток-*хагоута*, отличных от общепринятых и имевших долгую историю развития. Многие из них сохранились и сегодня, продолжая бытовать в ряде районов Японии. Так, например, в преф. Тотиги до сих пор используется термин *коги*, в преф. Ямагути — *хишрой*, а в преф. Фукуяма — *хитомэ* [1, с. 563].

Древние *кокоута* не были похожи на современные ракетки-*хагоута*, а имели вид жезла с небольшой лопаточкой на конце. В одном из сочинений середины XVII в. отмечалось, что вид *кокоута* был чрезвычайно удобен для выполнения их основной функции. «Волан (которым перебрасываются, играя ракетками, и который представляет собой небольшой плотный шарик с пестрыми воткнутыми в него перышками. — А.С.) напоминает стрекозу, которая проглотила комара. Вот дети и размахивают палками, чтобы не дать стрекозе проглотить комарика» [2, с. 69]. Очевидно, что ракетки воспринимались как своего рода игрушка, забава. Однако, несмотря на то, что игра в волан стала со временем излюбленным развлечением, к ракетке-*кокоута* никогда не относились только лишь как к игрушке, а уже в XV в., а также и в последующие века за ракеткой стойко закрепилась символика очищения и охраны от всякого рода неприятностей и невзгод.

Дело в том, что *кокоута* традиционно ассоциировалась с праздником огня Сагитё, который проводился вечером 14 числа 1-го лунного месяца и завершал собой длинную череду новогодних торжеств. Кульминацией этого праздника исстари было и остается до сих пор разведение особого костра, в котором сжигаются старые новогодние украшения. Считается, что вместе с этим огнем уходят все беды и несчастья прошлого года. Так вот *кокоута* на определенном этапе входила в перечень новогодних украшений, которые

сжигали в этом очистительном новогоднем огне вместе со старыми свитками и веерами [3, с. 668].

Первоначально праздник Сагитё праздновался исключительно в кругу аристократов и имел камерный характер. В день праздника Сагитё в знатных домах было принято на длинные стебли бамбука подвешивать свои веера, «первые в Новом году пробы пера», то есть свитки с изречениями, написанные собственноручно в первый день Нового года — на удачу в творчестве в наступившем году, а также небольшие прямоугольные листки бумаги *тан-дзакү* с записанными на них заветными желаниями. В конце праздника все это богатство торжественно сжигалось, что означало непереносимое свершение всех желаний, а также защиту на будущее от всего дурного.

Интересно, что праздник Сагитё всегда имел в Японии и «народную» вариацию. В этом случае он назывался *дондоняки* и широко праздновался в народной среде. При этом он традиционно носил массовый характер, подразумевая устройство большого костра на открытой площадке или на берегу моря и присутствие большого числа людей. На этом празднике также сжигали «первые пробы пера» и в придачу к ним — все новогодние украшения, сделанные из рисовой соломы (*симэкадзари*). Огонь этого костра считался очистительным, и ему придавалось очень большое значение в системе народных благожелательных новогодних обрядов.

Собственно, участие ракеток для игры в волан в важном очистительном действе способствовало тому, что в «жизни» *хагоита* также стали происходить большие перемены. И, прежде всего, это было связано с оформлением самих ракеток. Воспринимаемые первоначально как исключительно атрибут праздника Сагитё или его народного эквивалента, они стали соответственно украшаться, да и вообще магическая значимость этого атрибута, его роль как защитника от болезней и несчастий требовала нового облика, более яркого и эстетичного. Форма жезла с маленькой лопаточкой на конце не отвечала этим требованиям и, вероятно, именно на этом этапе верхняя часть ракетки была расширена, а сама ракетка приняла форму широкой плоской лопатки в форме трапеции, что дало возможность нанести на одну из ее сторон рисунок. При этом важно отметить, что форма трапеции была, вероятно, не единственно возможной, а существовали некие лекала, по которым при помощи известки можно было придать форму других геометрических фигур, например, форму шестиугольника.

Первоначально основным рисунком на ракетке было изображение праздника Сагитё, отчего появилась даже особая разновидность ракеток, известная как *сагитё-хагоита*. На внешней стороне ракетки изображали людей, а на внутренней — сам праздник Сагитё, а именно, сооруженный конусом из стволов молодых сосен и длинных бамбуковых стеблей костер и пылающий на вершине этого конуса огонь.

Иногда ракетки превращались в настоящее сокровище. Это происходило тогда, когда их изготавливали специально в качестве свадебного подарка. В этом случае они ярко

раскрашивались и даже покрывались позолотой. Свадебным ракеткам как раз и придавалась форма шестиугольника. По аналогии с этими богатыми, а главное — ослепительными и броскими — создавались и ракетки более дешевые. Но они также придерживались основного принципа — блеск, яркость и красота. Такие ракетки имели распространение в городской народной среде, получив при этом название *дайри-хагоита*, что буквально означает «императорские ракетки».

Однако с течением времени тематический круг рисунков на ракетках заметно расширился. Он больше не ограничивался лишь изображением праздника Сагитё. Излюбленными темами стало изображение вместе сосны, бамбука и сливы — традиционных дальневосточных символов долголетия, стойкости и обновления жизни, а также изображение Семи богов счастья — любимых до сих пор народных богов — покровителей всех сторон жизни от долголетия и богатства — до успехов в ораторском искусстве. Нередкими стали и красивые пейзажные зарисовки, также имеющие благожелательный смысл. Например, часто изображали восход солнца, имея в виду восход первого в Новом году солнца — события и сегодня имеющего для японцев чрезвычайно важное сакральное значение как символа начала нового этапа в жизни, этапа новых свершений и нового счастья.

Уже в XVII в. излюбленной художественной темой ракеток *хагоита* стало изображение актеров театра Кабуки, своеобразного символа той эпохи. Известных актеров знали в лицо, и их лица стали появляться на ракетках для игры в волан. Здесь следует напомнить, что изображения актеров театра Кабуки начиная с XVII в. приобрели статус благожелательного символа. Это было связано с преданием о вещем новогоднем сне, который увидел тогдашний военный правитель Японии сёгун Токугава Иэясу. В том сне Токугава среди прочих предметов увидел актера театра Кабуки, после чего актеры театра Кабуки стали почитаться особо, хотя и до этого все они наделялись в сознании японцев определенной магической силой.

В XVII в. большим успехом стала пользоваться новая техника оформления ракеток — вместо рисунков в моду вошли тканевые объемные аппликации из дорогой парчи. Тогда же начал повсеместно утверждаться термин *хагоита*, который постепенно совершенно вытеснил из обихода привычное для многих слово *кокоита*.

Сохранились сведения, что расписные ракетки, изготовленные в Киото, вместе с другими новогодними украшениями впервые были выставлены на новогоднем базаре в г. Эдо (совр. Токио) в 1692 г. Считается также, что ежегодные специализированные базары ракеток и воланов стали проводиться в Эдо в районах Асакуса и Нихомбаси в период с 1699 г. по 1703 г.; они были приурочены к началу новогодних праздников [2, с. 69].

Появление ракеток *хагоита* «в свободной продаже» привело к тому, что этот атрибут Нового года, а вместе с ним и традиция играть в волан в праздничные дни получила повсеместное распространение и перестала быть

привилегией высших сословий. Она превратилась в неременный атрибут городской эдосской культуры, причем по большей части игра в волан рассматривалась как женская забава — в волан стали играть девочки, юные девушки и молодые женщины.

Это, однако, не означало, что правила игры и отношение к ней были строгими и обязательными для исполнения. В каждом районе Японии со временем утвердилась своя форма игры в волан, что даровало этому древнему атрибуту Нового года новую жизнь. Так, на п-ове Идзу в преф. Сидзуока в волан традиционно играли не только девушки, но и юноши, а сама игра рассматривалась как прекрасный повод для знакомства. В преф. Яманаси эта новогодняя забава приобрела массовый характер и привлекала огромное число людей, заставляя их собираться на игру как на большой праздник. Там игра в волан получила даже собственное название *хагоута даки*. А вот в преф. Ниигата, где эта игра была и остается очень популярной, она воспринималась, прежде всего, как новогоднее состязание-гадание. У нее также было собственное название — *хагоута-вараси*, что буквально означает «паренек с *хагоута*». Во время этой игры соревновались самые умелые, те, у кого волан долго не падал, поскольку улетевший волан означал неудачу в новом году.

В каждом районе счет вели до определенного количества ударов ракеткой и так гадали, будет ли наступивший год удачным для игрока, и ждут ли его перемены в личной жизни. Играли в волан как парами, как и в одиночку, подкидывая волан на ракетке. Анализируя функциональное предназначение ракеток-*хагоута*, японский этнограф Танака Масааки так пишет: «...вряд ли игру в волан следует относить только к виду новогодних гаданий, но и нельзя сказать, что *хагоута* — это просто игрушка. Ракетка связана с особыми верованиями, и вместе с тем служит средством для проведения борьбы за право называться сильнейшим» [4, с. 353].

Сегодня Базар ракеток-*хагоута* по-прежнему остается одной из главных достопримечательностей японской столицы. Даты его проведения установлены четко и не меняются в зависимости от дней недели, даже если период 17–19 декабря выпадает только на будние дни. Это — базар-праздник, базар-покупка, базар-экскурсия. Недаром во всех близлежащих префектурах на эти дни организуются специальные экскурсионные автобусные туры для желающих комфортно съездить полюбоваться на яркое зрелище и купить *хагоута* на память. Конечно, и сегодня этому атрибуту Нового года придается большое значение — как и много веков назад ракетки-*хагоута* принято дарить девочкам с пожеланиями благополучия и счастья в будущей семейной жизни. Именно поэтому каждый год продажа на базаре идет бойко, тем более что ассортимент всегда велик и чрезвычайно интересен.

На дни базара территория храма превращается в небольшой оживленный квартал, в котором явно просматриваются «улички», созданные многочисленными лавочками по продаже ракетками. *Хагоута* устанавливают за

спиной торговца ярусами так, чтобы они все вместе предстали в своем полном великолепии и пестроты.

Сегодня ракетки имеют форму трапеции, к меньшей стороне которой как бы прикреплен прочная ручка. На самом деле вся конструкция вырезается из одного куска дерева, поэтому опасности «потерять» ручку ракетки нет. С одной стороны «лопатки» ракетки — рисунок, более или менее выразительный, иногда там прорисована лишь ветка сосны или ветвь цветущей сливы. Это игровая часть ракетки. На другой стороне — богатая объемная аппликация с использованием тканей, тесьмы, металлических аксессуаров, имитирующих золото или серебро. От богатства оформления и дороговизны использованных материалов зависит и стоимость ракетки. Настоящая *хагоута* — предмет дорогой и тяжелый. В доме ему требуется отдельное место — тумба или витрина, где ракетку установят на специальную стойку — ведь величина ракетки вместе с ручкой бывает больше метра. *Хагоута* становится украшением дома на время новогодних праздников и по своему прямому назначению — для игры — используется в наши дни только в 1-й день Нового года, когда нарядно одетые девочки выносят ее на улицу, чтобы несколько раз подкинуть пестрый волан. Но и этого, как считают японцы, достаточно, чтобы отогнать от девочки в наступившем году все дурное и чтобы жизнь ее сложилась счастливо.

Конечно, как и многие другие атрибуты Нового года, *хагоута* также приспособляются к особенностям жизни в современных больших городах. Именно поэтому с течением времени стали появляться небольшие или совсем маленькие ракетки, уже установленные на специальных стойках и помещенные в прозрачные пластиковые витрины. Такие и не пылятся, и вообще не требуют особого ухода, хотя все равно им необходимо определенное место в доме. Но и их можно заменить предлагаемыми тут же на базаре совсем миниатюрными, практически настольными *хагоута* в маленькой прозрачной коробке.

Это вообще особенность японских праздничных базаров — они выставляют товар на любой вкус, возможность и кошелек. Потому даже на этом, по сравнению с другими новогодними базарами, очень дорогим базаре, предлагаются и небольшие ракетки размером 20–30 см из более дешевого дерева, с аппликацией из ярких, красочных, но недорогих тканей.

Японцы по-прежнему, как и столетия назад, приобретают в большом количестве этот специфический новогодний атрибут, хотя многие приходят просто посмотреть на красоту, равную которой можно увидеть разве что в художественных музеях. Да и посмотреть есть на что. Разнообразию изображений на ракетках, кажется, нет предела. Конечно, и сегодня большая часть тканевых аппликаций выполнена на традиционные сюжеты — в основном это лица — актеров театра Кабуки и известных по гравюрам красавиц. Однако уже давно к этим известным лицам прибавились новые, но не менее известные — например, лица спортсменов, особенно бейсболистов, и даже го-

сударственный деятелей. Современная массовая культура, искусство мультипликации-*анимэ* тоже внесли свой вклад в художественное оформление новогодних ракеток. Здесь можно встретить и любимую уже не одним поколений японских девочек кошечку Китти, и героев всех популярных мультфильмов. И это специфика не только данного базара — герои современной массовой культуры, мульт- и телесериалов уверенно входят в мир традиционной японской культуры, по-своему привлекая внимание

молодого поколения к наследию прошлого. При этом, как можно наблюдать и на этом базаре, и на других, для самих японцев появление этих «художественных новоделов» — повод удивиться, заинтересоваться, иногда посмеяться, но не купить. Японцы, памятуя о том, что *хагоита* — это, прежде всего, предмет с благопожелательной символикой, дарующий избавление от неудач и проблем и на котором каждое изображение имеет свой магический смысл, предпочитают все же верность традиции.

Литература:

1. Маруяма Хисако. Хагоита ([Ракетки]-хагоита) // Нихон миндзоку дзитэн (Японский этнографический словарь). — Токио, 1987.
2. Миндзоку-но дзитэн (Этнографический словарь). — Токио, 1988.
3. Нихон дайхякка дзэнсё (Большой японский энциклопедический словарь). Encyclopedia Japonica. — Токио, 1994.
4. Танака Масааки. Хагоита ([Ракетки]-хагоита) // Нихон миндзоку дайджитэн (Большой японский этнографический словарь) в 2-х тт. Т. 2. Токио, 2000.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

К вопросу о вкладе Н. В. Туманиной в область исторических биографий великих русских композиторов

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва)

В 2018 году исполняется 50 лет со дня смерти крупного советского музыковеда, кандидата искусствоведения Надежды Васильевны Туманиной (1909–1968), «оставившей после себя целый ряд серьезных научных трудов по истории русской музыки» [1, с. 277]. Уроженка города Воронежа, она закончила Московскую консерваторию и в 1949–1957 гг. работала в ней заведующей кафедрой истории русской музыки. В 2000-е годы было осуществлено переиздание некоторых трудов Туманиной, например, «П. И. Чайковский. Путь к мастерству. 1840–1877 гг.». [6], «П. И. Чайковский. Великий мастер. 1878–1893 гг.». [5] и др. Только книга «М. Мусоргский» обделена вниманием издателей и используется исследователями в своем единственном варианте 1939 года [4].

Искусствовед, занимающийся музыкой или историей музыкального театра, не может обойти вниманием особенности исторических эпох, о которых он пишет. Ведь культура всегда связана с политикой, зависима от политики. Мы рассмотрим научно-исследовательскую деятельность Туманиной на примере трех вышеуказанных монографий. «М. Мусоргский» — это первая монография Н. В. Туманиной, опубликованная ею в год окончания аспирантуры. Прежде всего следует обратить внимание на то, что перед нами зрелый научный труд. Автору удалось систематизировать известные и доступные в то время источники и литературу о жизнедеятельности М. П. Мусоргского. Безусловно, монография не лишена идеологической составляющей, без которой трудно себе представить научную литературу 1930-х гг. Однако Н. В. Туманина делает акцент на том, что М. П. Мусоргский — человек «с богатой и тонкой душевной организацией» [4, с. 10]. Кроме того, она всячески подчеркивает те качества, которые с детских лет помогали Мусоргскому превратиться в культурного человека, — «пытливый ум, интерес к наукам и общая любознательность» [4, с. 10].

Выдающийся русский композитор Модест Петрович Мусоргский (1839–1881) изначально вынужден был пойти по военной линии — его предки много лет находились на военной службе. Н. В. Туманина интересуется родом Мусоргских. Она пишет, в частности, что его основателем был дворянин Роман Васильевич Монастырев

по прозвищу Мусорга, живший в XV веке. Другой предок Модеста Петровича, Иван Макарович Мусоргский, участвовал в московском осадном сидении во время нашествия поляков 1608 года. Его правнук, Михаил Иванович Мусоргский, отличился в войне с поляками в 1654–1656 гг. Прадед и дед композитора были гвардейцами. Сам Модест Петрович обучался в училище гвардейских прапорщиков. Н. В. Туманина постоянно отмечает, что Мусоргский своим морально-нравственным обликом и тягой к знаниям резко отличался от грубых и праздных товарищей. Но все же пребывание в военной среде подействовало на молодого человека негативно. «Облик светского избалованного юноши еще не позволяет предугадывать в Мусоргском будущего гения и реформатора», — пишет Туманина [4, с. 13]. Одна из главных мыслей рассматриваемой книги заключается в том, что М. П. Мусоргский был реформатором или новатором в музыке. Истинная сущность Мусоргского, как новатора в музыке, стала проявляться, по мнению Туманиной, с 1860-х гг., когда произошли серьезные перемены в истории России и обрели популярность демократические идеи. Автор обращается также к истории русской оперы, пишет о ее истоках, о Глинке и Даргомыжском. «У него в доме Мусоргский впервые познакомился с великими творениями Глинки и произведениями самого Даргомыжского», — пишет Туманина о доме Даргомыжского [4, с. 18]. Историзм книги «М. Мусоргский» заключается в достаточно простом описании той эпохи, в которую жил композитор. Туманина упоминает отмену крепостного права, последовавший за ней общественный подъем, литературу и публицистику того времени. Особое внимание уделяется деятельности Н. Г. Чернышевского, содействовавшего, по мнению автора, «разрушению старых общественных отношений» [4, с. 38].

Автор особо выделяет дружбу М. П. Мусоргского с М. А. Балакиревым. Они познакомились в ранней молодости, Балакирев был ненамного старше Мусоргского, но уже занял свое место в музыкальном обществе Петербурга. Модест Петрович «сразу был очарован и покорен этой яркой, захватывающе талантливой и сильной личностью» [4, с. 20]. Изначально влияние Балакирева

на Мусоргского было благотворным — он стал не просто учителем, а «интеллектуальным руководителем и поверенным мыслей» молодого композитора. Но впоследствии Мусоргский почувствовал себя «более самостоятельным и взрослым музыкантом», захотел свободы, и «на этой почве произошли первые столкновения двух друзей» [4, с. 52–53].

В книге Туманиной обращают на себя внимание некоторые спорные даты, которые нуждаются в проверке. В частности, она пишет, что Мусоргский познакомился с братьями Стасовыми, один из которых, Владимир Васильевич, стал известным художественным и музыкальным критиком, в 1857 г. Это произошло вскоре после встречи композитора с М. А. Балакиревым. Но в более поздней научной литературе указывается другой год — 1858-й, а также говорится, что знакомство состоялось весной [2, с. 43]. Туманина же утверждает, что встреча произошла «в один из жарких летних дней» [4, с. 22].

В книге особо выделяется время участия Мусоргского в объединении «Могучая кучка». В 1960-е гг. М. П. Мусоргский вошел в состав «Могучей кучки», занимался собиранием русских народных песен. Собственные произведения Мусоргского отличались значительностью и глубиной содержания. В это же время у композитора росла «жажда всезнания»: он интересовался всеми отраслями науки, много читал. «Подход к книгам у него был очень своеобразен и показывал вдумчивый и пытливый ум, желание прочесть между строками; беседы с ним бывали исключительно интересны и содержательны», — пишет Н. В. Туманина [4, с. 66–67].

Туманина полагает, что огромную роль в творчестве Мусоргского сыграло его увлечение простым мужиком, крестьянином. Передавая при помощи музыки его страдания, композитор «поднял свой гений на неизменную высоту, и его музыка засверкала высшей и действительно идеальной красотой» [4, с. 74]. Автор отметила и большой талант Мусоргского в области литературы. «Литературное дарование Мусоргского, — пишет Туманина, — ярко выявилось в текстах, которые он сам сочинял к романсам и песням, и в либретто его опер. Для него типичны яркость и крепость образов и сжатая лаконичность языка, богатые и красочные сравнения, часто заимствованные из народных песен и сказок» [4, с. 81].

Н. В. Туманина особо выделяет работу Мусоргского над оперой «Женитьба». Композитор проявил себя в ней как серьезный и вдумчивый художник, добросовестно выполняющий свой труд и обосновывающий его «конечными задачами идейно-художественного порядка: полное отречение от существующих оперных традиций и открытие новых путей в музыкальном театре» [4, с. 98]. При этом друзья Мусоргского сочли оперу непригодной для постановки на сцене из-за ее необычайной дерзости и новизны. Композитор и сам быстро охладел к своему сочинению и начал искать новый сюжет для оперы.

Говоря об обращении Мусоргского к трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», Туманина в очередной

раз отмечает склонность композитора «к значительным сюжетам, к глубоким идейно насыщенным темам и монументальным трагическим образам» [4, с. 104]. Опера подверглась критике как со стороны почитателей Пушкина, так и со стороны недоброжелателей Мусоргского. Однако Туманина считает эту критику несправедливой. Мусоргский «с гениальной прозорливостью понял истинный смысл пушкинской трагедии и раскрыл его в своей музыкальной драме», — пишет музыковед [4, с. 112].

Даже в 1970-е гг., когда самыми популярными формами театрального представления стали шантан и оперетта, Мусоргский продолжал оставаться художником-общественником и по-прежнему нес «свое знамя новатора, стремящегося »к новым берегам«... [4, с. 168]. Однако страсть к алкоголю, одиночество, подавленное настроение и физическая немощ превратили композитора в больного старика и способствовали его смерти в возрасте 42-х лет. Здесь Туманина делает идеологически окрашенный вывод: »Жизнь Мусоргского... представляет очень яркий пример трагического положения передового художника в царской России семидесятых годов» [4, с. 167]. Однако сама суть этого утверждения верна, так как многие интеллигенты пореформенной России страдали алкогольной зависимостью и от этого рано уходили из жизни.

После смерти Мусоргского его оставшиеся рукописи и наброски были приведены в порядок Н. А. Римским-Корсаковым. Композитор задался целью обнаружить неизвестные произведения Мусоргского, среди которых самыми значительными были оперы «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка». В 1886 г. «Хованщина» была впервые поставлена на частной сцене и имела успех. В этой опере, по мнению Туманиной, ясно проявилось «гениальное чутье художника-реалиста, правдиво отражающего действительную жизнь» [4, с. 203]. «Сорочинская ярмарка» — одна из самых светлых и веселых русских опер, в которой, как полагает Туманина, «сконцентрировался весь живой задор, вся стихийная жизнерадостность, юмор, весь светлый оптимизм, свойственный Мусоргскому, несмотря на его тяготение к трагическим сюжетам» [4, с. 213]. Тем не менее «Сорочинская ярмарка» была поставлена лишь в 1913 г. в новом московском «Свободном театре».

Подводя итоги деятельности М. П. Мусоргского, Н. В. Туманина называет композитора «великим народным художником-реформатором» [4, с. 228]. Его основной творческий принцип заключался в таком взгляде на задачу искусства: «искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель» [4, с. 228]. На протяжении всего своего творческого пути Мусоргский искал возможности передачи людям новых взглядов и идей, а также новые формы и новые приемы в искусстве. Он был «композитором высокой идейности и глубокой мысли»... [4, с. 229].

Исторические оперы Мусоргского Туманина называет «социальными драмами», поскольку они показывают общественные взаимоотношения на Руси XVII века. Она полагает, что композитор даже «проповедовал идею

крестьянской революции» [4, с. 229]. Но данный вывод представляется нам идеологизированным. В то же время автор подмечает, что в произведениях Мусоргского нет грубой тенденциозности, у него нет «обнаженно декларирующей идеи или кричащей тенденции, и в этом-то как раз величайшее их положительное качество» [4, с. 230]. Более того, Туманина полагает, что Мусоргскому удалось разрешить вопрос единства в музыкальной драме, подойдя по-новому к старым формам оперного искусства. А новое «заключалось в правдивом действенном отражении жизни в музыке и драматизации самой музыки» [4, с. 231]. В связи с этим М. П. Мусоргского Туманина относит к «народным художникам», которые имеют право так называться, по ее мнению, потому, что «они в своих произведениях воссоздавали жизнь родного народа, его героическое прошлое, потому что они показали его лучшие стороны, показали всю несравненную красоту и прелесть его поэзии, песни, былины, предания и т. п., показали творческую душу народа» [4, с. 232].

Значительную часть своего творческого пути Н. В. Туманина посвятила Петру Ильичу Чайковскому (1840–1893). Монографии о нем впервые вышли в 1960-е гг., что необходимо учитывать при анализе литературы. В книге «П. И. Чайковский. Путь к мастерству. 1840–1877 гг.» [6] Туманина рассматривает биографию Чайковского от рождения до 1877 г. Рассказ о личности Чайковского тесно связан с исторической эпохой, в которую он жил. В частности, Туманина пишет, что композитор сформировался «в знаменательную для России эпоху 60–70-х годов XIX в., в период высокого подъема общественной и художественной мысли, расцвета русской литературы и публицистики, изобразительного искусства и музыки» [6, с. 15]. Среди предпосылок подъема искусства автор называет неудачную для России Крымскую войну и политическую ситуацию рубежа 1850–1860-х гг., которую Туманина именует «революционной» [6, с. 15]. Данное утверждение вызвало бы много вопросов у историков, но смысл его для широкого круга читателей ясен.

Существенной чертой развития искусства в пореформенный период, по мнению Туманиной, было «воздействие на него идей революционных демократов, деятельность которых способствовала прояснению сознания широких масс народа, развитию общественной активности разночинцев, передовому направлению русского искусства» [6, с. 15]. П. И. Чайковского Туманина относит к такому типу художников, которые по рождению были связаны с дворянским сословием, но последующая их деятельность привела к тесной связи этих людей с демократическим лагерем. Этот вывод обусловлен необходимостью представить Чайковского как передового, демократически настроенного композитора, что отвечало требованиям к научной литературе времен Туманиной. В СССР создавался идеальный образ Чайковского, поэтому отнести его к консерваторам было невозможно. Тем не менее нельзя не согласиться с Туманиной в том, что «в самоотверженности труда Чайковский был сыном своего времени» [6, с. 19].

Основное внимание в данной книге уделяется произведениям Чайковского 1860–1870-х гг., то есть первой половины творческого пути композитора. Автор подчеркивает, что особенностью произведений молодого Чайковского был «горячий, искренний лиризм» [6, с. 24]. Туманина достаточно подробно пишет о детстве будущего композитора и заключает, что на самые первые годы его развития оказали влияние «мазурки Шопена, »Соловей« Аляева, отрывки из »Дон-Жуана« и опер итальянских композиторов, с одной стороны, и стихия народной русской песни — с другой» [6, с. 44].

Годы учебы Чайковского в Училище правоведения рассматриваются Туманиной как некий переходный период в его жизни, когда Петр, не имевший призвания к юриспруденции, занимался игрой на фортепьяно и пел в церковном училищном хоре. Кроме того, правоведы интересовались театром, и Чайковский сошелся со многими из своих товарищей по учебе на почве интереса к музыке и театру. «Чайковский охотно посещал театр как драматический, так и оперный. Он был прирожденным театралом, и любовь к театру жила в нем в течение всей его жизни», — пишет Туманина [6, с. 50]. По окончании училища Петр Ильич пишет три романа, хотя Туманина полагает, что Чайковский писал тогда много музыки, но «записывать ее или не умел, или не хотел» [6, с. 55].

Особое внимание уделяется творчеству П. И. Чайковского в годы его обучения в Петербургской консерватории. В это время он создает разнообразные музыкальные произведения — кантаты, симфонические увертюры, струнный квартет и др. Пребывание в консерватории положило начало трудовой профессиональной деятельности Чайковского, и композитор быстро «превратился в крупного, самобытного и индивидуального по стилю художника» [6, с. 93].

Туманина выделяет московский период творчества Чайковского, завершившийся написанием Четвертой симфонии и оперы «Евгений Онегин». Опера в целом имела успех, хотя ее восприятие публикой, как пишет Туманина, было скорее «литературным», чем «музыкальным» [6, с. 496]. Музыковед подчеркивает, что в 70-е гг. XIX в. роман «Евгений Онегин» «оставался любимой книгой интеллигенции» [6, с. 499]. К написанию данной оперы Чайковского побудила любовь к произведению Пушкина. Как считает Туманина, композитор «понимал Пушкина несравненно глубже и правильнее, чем многие его современники» [6, с. 499]. Это видно из глубокого анализа произведения, который Петр Ильич изложил в письме к Н. Фон Мекк от 28–30 сентября 1883 г. В 1860–1870-е гг. Чайковский, по мнению Туманиной, был таким: «Художник молодой, исключительно впечатлительный, жадно воспринимающий окружающую жизнь, не столько размышляющий над ней, сколько чувствующий ее» [6, с. 549].

В книге «П. И. Чайковский. Великий мастер. 1878–1893 гг.» [5] рассматриваются годы всероссийской и мировой славы композитора. Основное внимание Н. В. Туманина уделяет анализу произведений Чайковского тех лет. Но исторический фон жизнедеятельности Чайковского

Туманина не игнорирует. Она отмечает, что политические убеждения Чайковского отличались противоречивостью. «Он не понимал причин противоречий действительности, хотя душой большого художника чувствовал трагизм жизни» [5, с. 9]. В годы царствования Александра III Чайковский критиковал правительство за «катковщину» и предлагал выход в созыве Земского собора. Однако Туманина не пишет о том, что Александр III покровительствовал Чайковскому. Живя под Москвой, композитор наблюдал бесправное положение крестьян, сочувственно отзывался о революционной молодежи, организовал на свои средства детскую приходскую школу. При этом, как считает Туманина, композитор осознал, что «этими мерами ничего существенного не достигнешь» [5, с. 9]. «Его сердце и чувства художника всегда впереди привитых с детства политических убеждений и взглядов», — пишет Туманина [5, с. 9]. Она связывает нравственные и политические «метания» Чайковского с неясностью его философского мировоззрения. Он страдает от осознания «несоответствия христианской морали и поведения людей, якобы на нее опирающихся» [5, с. 10]. Эта противоречивость, подчеркнутая автором книги, не всегда находит отражение в современной литературе. Так, например, известный чайковсковед А. Н. Познанский данную особенность не учитывает, а отмечает дружеские отношения Чайковского с великим князем Константином Константиновичем и внимание к композитору всей царской фамилии [3, с. 662 и др.].

Н. В. Туманина особо выделяет «период странствий» композитора — 1877–1885 гг., когда он путешествовал по зарубежным странам, временами возвращаясь в Каменку, дом сестры Александры Ильинишны. Мрачное состояние духа привело его к постоянным мыслям о вере и религии. В эти годы возникли исторические оперы Чайковского трагического свойства «Орлеанская дева» и «Мазепа», духовное произведение «Литургия» и ряд песнопений, концерты и концертные пьесы для оркестра и т. д.

Литература:

1. Бабенко О. В. «М. Мусоргский» — первая книга Н. В. Туманиной // Молодой ученый. — 2018. — № 25. — С. 277–279.
2. Золотова Н. М. Два автографа М. П. Мусоргского (дарственные надписи В. В. Стасову) // Встречи с прошлым: Сборник материалов ЦГАЛИ СССР. — Вып. 2. — Изд. 2-е. — М.: «Советская Россия», 1985. — С. 43–46.
3. Познанский А. Н. Чайковский. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 762 с.
4. Туманина Н. В. М. Мусоргский. — М.; Л.: Гос. муз. изд-во, 1939. — 240 с.
5. Туманина Н. В. П. И. Чайковский. Великий мастер. 1878–1893 гг. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 504 с.
6. Туманина Н. В. П. И. Чайковский. Путь к мастерству. 1840–1877 гг. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 584 с.

Н. В. Туманина приходит к следующему выводу: «Чайковский работал почти во всех областях музыкального искусства и внес новое почти в каждую. Но главными жанрами для него в течение всего творческого пути оставались опера и симфония» [5, с. 471]. В качестве характерной черты Чайковского-композитора музыковед выделяет «отсутствие национальной ограниченности» [5, с. 468]. Туманина подчеркивает наличие у Чайковского идеи о необходимости синтеза национального и интернационального в музыке. Кроме того, она проводит аналогию между творчеством Чайковского и Шостаковича в плане ряда общих моментов, таких как «конфликты антагонистического характера, взрывы, трансформация образов», «динамизм музыки», «высший синтез общего и частного, философского и конкретного» и т. п. [5, с. 484].

Таким образом, труды Н. В. Туманиной представляют интерес и в наше время. Работы этого серьезного искусствоведа не устарели и отличаются живостью изложения материала, яркостью красок. Автор подробно разбирает все основные сочинения П. И. Чайковского и М. П. Мусоргского, их исторический и музыковедческий анализ актуален в наши дни. Многие выводы Н. В. Туманиной актуальны и сейчас, они разделяются и повторяются учеными. Идеологическая составляющая трудов Туманиной не мешает воспринимать ее научные заключения. Историзм ее работ сводится к подчеркиванию демократизации различных сторон российской жизни в пореформенное время. Биографии, рассмотренные в нашей статье, безусловно, относятся к числу исторических. Очевидно, что особенности времени, в которое работала Туманина, и недоступность многих источников, не позволили ей объективно оценить отношения Чайковского с царской семьей и дать неидеологизированную характеристику пореформенного времени, но это не умаляет научного значения ее трудов. А ясный язык данных книг может привлечь внимание не только профессионала, но и любого дилетанта.

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

VI Международная научная конференция
г. Казань, ноябрь 2018 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Издательство «Молодой ученый», г. Казань

Подписано в печать 24.11.2018. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 4,08. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.